

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 3 (43)

Москва

2021

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

- Малюга Е.Н.*, академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется в базе РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 3 (43)

Moscow

2021

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association” created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.

(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,

Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of RUDN University.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>ВАЛУЙЦЕВА И.И., ПОНОМАРЁВА С. С.</i>
Лингвокультурный аспект американского речевого этикета на примере фильмов Квентина Тарантино	7
<i>ЛИТВИНОВА А.В.</i>
Различия в реализации речевого акта <i>Отказ</i> в американской и русской коммуникативных культурах	37
<i>НЕЛЮБОВА Н.Ю., КАЛИННИКОВА Е. Д.,
ГОВОРОВА Л. А.</i>
Особенности функционирования современного языка в интернет-пространстве (на материале французского и испанского языков)	61
<i>ПЕТРОСЯН Г.О., ГРИШЕЧКО Е.Г.</i>
Возможности использования цифровых образовательных платформ в преподавании английского языка: теоретический аспект	88
<i>ЭРНАЗАРОВ Д.З.</i>
Социокультурное взаимодействие в современной философии языка	115

CONTENTS

Scientific articles

<i>VALUYTSEVA I.I., PONOMAREVA S. S.</i> Linguocultural aspect of the American speech etiquette by the example of Quentin Tarantino films	7
<i>LITVINOVA A.V.</i> Differences in the implementation of refusal speech act in American and Russian communicative cultures	37
<i>NELYUBOVA N.Yu., KALINNIKOVA E. D., GOVOROVA L. A.</i> The features of functioning of the modern language in the Internet space (based on the material of French and Spanish languages)	61
<i>PETROSYAN G.O., GRISHECHKO E.G.</i> The possibility of using digital educational platforms in teaching English: theoretical aspect	88
<i>ERNAZAROV D.Z.</i> Sociocultural interaction in modern language philosophy	115

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81.33

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.01>

И.И. Валуйцева

С. С. Пономарёва

Московский государственный областной университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ АМЕРИКАНСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ КВЕНТИНА ТАРАНТИНО

Настоящее исследование посвящено вопросу взаимосвязи американского речевого этикета и специфике речевого поведения героев в киновселенной американского режиссёра Квентина Тарантино (т.н. Tarantino-verse), прославившегося как на родине, так и в мире своими выдающимися сценариями и диалогами. Авторы статьи определили, каким образом американская действительность (в разные временные периоды) отражается в диалогах режиссёра, и как его творчество оказывает влияние на речь англоговорящих поклонников и кинозрителей. Собрана и проанализирована информация о характерных чертах американского речевого этикета. В статье представлен анализ трёх фильмов и соответствующих им сценариев: «Криминальное чтиво» (1994), «Бесславные ублюдки» (2009), «Джанго Освобождённый» (2012). Выбор материала обоснован тем, что в данных фильмах показано американское общество в различные периоды его истории: преддверье Гражданской войны, Вторая Мировая война и девяностые годы прошлого столетия.

Кроме того, исследование ставит целью определить, связаны ли перемены в разговорной речи американцев с режиссёрской деятельностью Тарантино. Были рассмотрены характерные для сеттингов указанных кинолент черты и особенности; в ходе анализа выявлены и упорядочены модели речевого поведения киногероев в зависимости от различных социолингвистических переменных, экстралингвистических факторов и типов ситуации общения. В ходе исследования мы обратились к таким методам, как анализ, индукция, обобщение, сравнение. Эти данные

позволили выделить и описать уникальный речевой этикет в киновселенной режиссёра, а также обобщить, упорядочить и представить его в систематизированном виде. В статье также приводятся примеры неологизмов, связанных с именем и творчеством режиссёра, определяемые в *Urban Dictionary* и *Оксфордском словарях*. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть применены в курсах преподавания социолингвистики, стилистики английского языка и ряда других лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: речевой этикет, речевое поведение, американский, киновселенная, Тарантино, кинодиалог, социолингвистические переменные, коммуникативная ситуация

UDC 81.33

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.01>

I.I. Valuytseva

S. S. Ponomareva

Moscow Region State University

LINGUOCULTURAL ASPECT OF THE AMERICAN SPEECH ETIQUETTE BY THE EXAMPLE OF QUENTIN TARANTINO FILMS

The present study investigates the link between the American speech etiquette and the specific speech behavior of the heroes in the cinematic universe of the American film director - Quentin Tarantino (so called Tarantino-verse), who is famous both at the homeland and in the world for creating outstanding screenplays and dialogues. In this paper the authors have defined, in what way the director's dialogues reflect the American reality (in different time periods) and how his oeuvre influences speech of English-speaking admirers and cinema audience. The authors of the research have studied and analyzed the information about the particular features of the American speech etiquette. The article presents the analysis of three films and corresponding screenplays: 'Pulp Fiction' (1994), 'Inglourious Basterds' (2009), 'Django Unchained' (2012). The choice of the material is justified by the fact that the given films show American society in its different history periods: the threshold of the Civil War, World War II and the

nineties of the last century.

Among other things, this paper aims to examine, whether changes in American colloquial language are connected with Tarantino's directing. We considered distinctive for the given films setting features; further analysis helped us to reveal and regularize speech behavior models used by movie heroes depending on various sociolinguistic factors, extralinguistic factors and types of communicative situations. In the course of the research the methods of analysis, induction and comparison have been used. These findings allowed us to shed light on unique speech etiquette in the director's cinematic universe, thereafter generalize, order and present in the systematic form. This article provides the examples of neologisms related on the director's name and his art, which are, besides, defined in Urban Dictionary and Oxford Dictionary. The value of research results lies in their potential use in sociolinguistics and English stylistics teaching and a number of other issues in linguistic area.

Keywords: speech etiquette, speech behavior, American, cinematic universe, Tarantino, film dialogue, sociolinguistic factors, communicative situations

Введение

Кинематограф - обширная и неотъемлемая часть культуры, появление которой оставило большой след в истории человечества. Одним из революционных достижений кинематографии стало появление в нём звука, голоса, речи.

Сегодня, говоря о речи героев на экранах, зритель оценивает её с точки зрения эстетики, важности для сюжета. Однако нельзя не обратить внимание на культурный аспект диалогов, в котором зрители и актёры нередко узнают себя. Безусловно, экстралингвистические факторы влияют на речевую составляющую кино, но можно ли сказать, что и кино оказывает воздействие на речь смотрящих его зрителей? А если рассматривать не кино в целом, а одного конкретного сценариста и режиссёра?

Имя культового американского режиссёра Квентина Тарантино знакомо каждому кинолюбителю. Легко узнаваемая особенность его работ — яркие и захватывающие диалоги, с присущей им одновременно абсурдностью и естественностью. Актуальность

исследования заключается в том, что киноленты режиссёра вызывают социолингвистический интерес с позиции того, что действия в них происходят в рамках одной вселенной (известной в западном сообществе как Tarantino-verse (Miller, 2019)), а значит, что речевой этикет его героев может обладать уникальной спецификой.

Объектом исследования является речевой этикет, взаимовлияние бытового общения американцев и общения американцев в кино. В качестве предмета исследования выступают диалоговые ситуации в фильмах Квентина Тарантино, сюжет которых охватывает различные временные эпохи, социальные, расовые и национальные группы.

Цель настоящей работы – узнать, как речевой этикет американского общества представлен в диалогах Квентина Тарантино и как его творчество влияет на повседневную речь американцев.

При проведении исследования были применены такие методы, как анализ, индукция, обобщение, сравнение.

Материалом исследования послужили следующие фильмы Квентина Тарантино: «Джанго Освобождённый» (2012), «Бесславные ублюдки» (2009) и «Криминальное чтиво» (1994). Выбор обоснован тем, что данные киноленты охватывают различные временные отрезки американской истории: предвоенный период Гражданской войны, Вторая Мировая война и девяностые годы прошлого столетия, ознаменованные новым направлением в моде — героиновым шиком, заметное влияние которого хорошо прослеживается в творчестве Тарантино. Важным критерием является также и то, что данные фильмы были неоднозначно приняты критиками из-за обилия нецензурной лексики, N-words, эстетизации наркомании и насилия. Общее время звучания проанализированного нами материала на языке оригинала (английский) — 7 часов 45 минут. Вышеуказанные ленты были получены из библиотеки российского онлайн-кинотеатра «Иви» (ivi, 2021). Характерность диалогов в этих фильмах заключается в отражении в них грубых нравов людей, живших в соответствующие времена, что и вызывает многочисленные споры о творчестве режиссёра, как среди кинокритиков, так и широкой зрительской аудитории.

Понятие речевого этикета. Американский речевой этикет

Речевой этикет — немаловажная составляющая в общении между людьми. Д.Р. Галибердова подразумевает под ним «разработанные в конкретном обществе правила речевого поведения и систему речевых формул общения» (Галибердова, 2019, с. 20). От соблюдения этих общепринятых норм зависит успех коммуникативного акта в той или иной речевой ситуации, будь то деловая встреча или разговор с приятелем. Речевой этикет, основываясь на одной из главных функций языка — коммуникативной, — выполняет следующие функции: контактоустанавливающую, апеллятивную, конативную, волютативную и эмотивную (Malyuga, Maksimova, Ivanova, 2019).

Известно, что речевой этикет предусматривает использование каких-либо стереотипных формул в том или ином речевом акте (приветствие, благодарность, извинение, комплимент и т. п.). Однако одни лишь устойчивые высказывания не будут иметь вес, если в общении не соблюдаются конкретные правила приличия, манеры и пристойность. Важно уметь выбирать оптимальную тему разговора, избегая табуированных или остросоциальных тем, навязчивых вопросов, перешёптываний с одним из участников диалога, неуместных советов. Положительно воспринимаются искренность; в речи приветствуется чёткое произношение, грамотность, ясность, уверенность и честность (Мордовина, 2010).

Универсального речевого этикета не существует — для каждой культуры он уникален (Малюга, 2006). Характерными национальными чертами обладает и американский речевой этикет.

Существует широкий выбор устойчивых формул, отведённых для конкретных ситуаций общения, выбор которых зависит от степени близости между собеседниками, официальности обстановки и пр. Приведём примеры некоторых характерных для американского речевого этикета особенностей:

- Знакомство и приветствие. Формулы приветствия различаются по степени формальности (ср. *Good afternoon, Greetings* и *Morning, Hi-ya*). Как правило, приветствие сопровождается именем собеседника, или же всё приветствие целиком сводится к одному лишь упоминанию имени адресата: *Lisa! Mr. Smith!* Встречи с одним человеком несколько раз в

течение одного дня также подразумевают то, что с ним нужно обязательно поздороваться (Ларина, 2009).

- Обращение. Зачастую американцы называют друг друга по имени, однако в официальной обстановке можно услышать *Mr. ...*, *Mrs. ...*. К незнакомым людям применяется обращение *Sir* или *Madame*. Выражения по типу *fellow(s)*, *guy(s)*, *girl(s)*, *kid(s)* по отношению к незнакомым людям могут считаться оскорбительными (Ларина, 2009).

- Привлечение внимания. В различных ситуациях можно использовать такие формулы, как *Excuse me, ... Would you..., please?* Более неформальными считаются выражения *Hey! I say...* Выбор речевых единиц также зависит и от того, на какой дистанции находятся адресат и адресант (Щербнин, 2008).

- Благодарность. *Thank you, I'm grateful to you, I'm much obliged...* Благодарить принято во многих ситуациях: когда человеку подают меню в ресторане, предупреждают на улице о раскрытой сумке и др. (Ларина, 2009)

- Извинение: *I beg your pardon! My fault. A thousand apologies!*... (Галибердова, 2019).

- Просьба. *I'd like to ask you. May I...? Could you..., please?* Наиболее часто просьба сопровождается словом *please*, пренебрежение которым считается крайне невежливым (Ларина, 2009).

- Согласие — *Certainly, Right away, No doubt whatever*. Выражение согласия может варьироваться от эмоционального оттенка (*Very well, then* — более неохотно) или степени близости собеседников: на призыв супруга *Come here!* партнёр может отозваться *Coming!* или *All right*, но в разговоре со начальником уместнее будет ответить *Yes, of course*. То же самое касается и разрешения (*Here you are, Of course!*), несогласия (*Not at all, That won't do, You're mistaken*) (Галибердова, 2019).

- Различающиеся по эмоционально-экспрессивной степени формулы отказа: *Of course not, Positively "no", I simply can't, With pleasure, but...* (Щербнин, 2008).

- Выбор формулы приглашения должен соответствовать статусу отношений между собеседниками. Более официально — *May I invite you...*, более фамильярно — *Come around* (Щербнин, 2008; Ларина, 2009).

- Перед окончательным *Good-bye* вежливым будет сказать собеседнику *It was nice talking to you, Hope to see you soon* и т. д. Если ожидается несколько встреч с одним и тем же человеком в течение всего дня, то стоит обратиться к формулам вроде *See you later, Take care, Have a good afternoon* и т. д. (Ларина, 2009)

Исследователи нередко прибегают к понятию «паттерн», проводя анализ диалога. Паттерн — это модель вербального взаимодействия в процессе речевой практики — «паттерн просьбы», «паттерн сомнения», «паттерн обещания». Для паттернизированной речи свойственны повторы реплик, сводящих всё к единому исходу (Арустамян, Дроздова, 2018; 205).

Так, например, в исследовании паттернов американской речи на материале книг Стивена Кинга, Д. В. Арустамян и Е. А. Дроздова пришли к выводу, что для американской разговорной речи типична ярко выраженная эмоциональная окраска, проявляющаяся в частых паузах, повторах, переспросах, нераспространённых и/или вопросительных предложениях, сокращениях, частых обращениях. При этом наблюдается интенция сохранять и выражать тактичность по отношению к собеседнику (Арустамян, Дроздова, 2018). Как пишут авторы, в диалоге между носителями английского языка говорящий в процессе разговора выражает намерение «поддержать сложившиеся к моменту общения отношения между коммуникантами или сблизиться с адресатом» (Арустамян, Дроздова, 2018, с. 204). А слушающий, или адресат, как правило, принимает эти намерения.

Характерные черты творчества Квентина Тарантино

Квентин Тарантино — культовый американский режиссёр, дебютировавший в девяностых с «Криминальным чтивом». Влияние на киноискусство, оказанное им, общепризнано не только кинокритиками и экспертами, но, что немаловажно, и публикой. Благодаря режиссёрскому почерку Тарантино, узнать работу его авторства не составляет труда: характерная операторская работа, ситуации «мексиканского тупика», эстетизация насилия, нелинейное повествование и, конечно, выдающиеся диалоги (Marić, 2017).

Обобщенно говоря, для диалогов Тарантино характерна присущая повседневному разговору простота и повсеместность. Персонажи автора, с одной стороны, не стесняются использовать

нецензурную лексику, но с другой — могут быть до абсурда учтывыми; говорят на обыденные темы, которые искусно перетекают в другие, казалось бы, совершенно неуместные и несвязанные (от обсуждения бургеров до цитирования Библии и, наконец, убийства) (Тетерятник, 2018). Тарантино стремится сделать диалоги настолько реалистичными, что часто подвергается критике, например, за злоупотребление т.н. N-words (Charlie Rose Show: Quentin Tarantino, 1997).

«Переслушивая» фильмы Тарантино, нужно отдать должное неординарности диалоговых ситуаций, их непредсказуемости, непритязательности и даже нелепости. Однако все эти характеристики преумножают увлекательность этих разговоров, умеренно нагнетают интригу, делая их информативными и значимыми для сюжета.

Особенности сеттинга в фильмах режиссёра

В общих чертах напомним сюжет и специфику сеттинга для каждого из проанализированных нами фильмов.

- В спагетти-вестерне «Джанго Освобождённый» (Django Unchained, 2012) Тарантино изобразил проблему расовой дискриминации в американском обществе девятнадцатого столетия. Действие фильма происходит на юге США за пару лет до Гражданской войны. Главные герои, охотник за головами доктор Шульц и освобождённый им чернокожий мужчина по имени Джанго, пытаются найти жену последнего, чтобы влюблённая пара могла воссоединиться.

- В чёрной комедии «Бесславные ублюдки» (Inglourious Basterds, 2009) действие происходит во время Второй Мировой войны, но в альтернативной реальности. Фильм повествует об американском отряде, который, находясь во взаимодействии со сторонниками из Германии и Великобритании, планирует спецоперацию по убийству Гитлера. Несмотря на то, что сюжет основан на реальных событиях его нельзя назвать достоверным, скорее псевдоисторическим. «Бесславные ублюдки» примечательны тем, что это — пародия на боевики, высмеивающая клишированных доблестных героев, которые всегда на шаг впереди врага. В фильме также обыгрываются стереотипные представления о различных национальных и социальных группах.

- Сюжет эпохального фильма «Криминальное чтиво» (Pulp Fiction, 1994) в основном развивается вокруг двух гангстеров: Джулса и Винсента. Параллельно с их историей раскрываются ещё несколько пересекающихся сюжетных линий, которые тем или иным образом затрагивают тему наркомании в США.

Для решения задач исследования нами были проанализированы диалоги действующих лиц методом сплошной выборки. Изучив вышеупомянутые киноленты, мы сделали общий вывод о культуре общения в киновселенной режиссёра. В рамках сеттинга «**Джанго Освобождённого**», где поднимается вопрос социального неравенства и противостояния между сторонниками и противниками рабства, выявляются следующие характеристики:

1. Большая часть диалогов между незнакомыми людьми начинается с угроз, в независимости от статуса и положения, т.к. герои изначально настроены друг к другу враждебно.

2. Возникновение и продолжительность речевого акта зависит от расы собеседника, это не распространяется на национальность и происхождение.

3. При первой встрече, как правило, незнакомцы не представляются и не приветствуют друг друга.

4. К афроамериканцам применяется обращение *ni*****. К белым либералам — *ni**** lover*.

5. К незнакомым и знакомым людям, которые находятся выше в социальной иерархии, употребляются обращения *Lady, Madame, Mrs.; Sir, Mr.*, а также обращения по должности: *Sheriff, Marshall*. К младшим по статусу обращаются чаще всего по имени.

6. Афроамериканцы не используют общепринятые единицы речевого этикета. Как правило, они не многословны, их речь скудна и неграмотна. Используют слово *ni***** по отношению друг к другу. По отношению к белым употребляют в основном безличные конструкции.

7. Афроамериканцы воспринимают своё положение в обществе как должное и не могут принять факт, что кто-то из них может быть свободным.

8. Афроамериканцы презирают белых, а также подозрительно настроены к старшим по статусу или свободным людям своей расы.

9. Белые участники коммуникации могут свободно

высказывать своё мнение и слушать друг друга, если придерживаются одной идеологии.

10. Рабы, занимающие высокое положение, уничижительно относятся к рабам младше по положению в независимости от пола и возраста.

11. Расистские предрассудки белых выражаются в равной степени как по отношению к чёрным мужчинам, так и к женщинам. Различалась степень тяжести насилия, применяемого к представителям обоих полов.

12. Особенности невербального общения: 1) афроамериканцы практически не смотрят в глаза белым; 2) люди младше по статусу не смотрят в глаза людям старше по статусу (вне зависимости от расы и возраста). Между коммуникантами может сохраняться довольно большая дистанция, но в экстремальной ситуации, например, на допросе или в борьбе, она резко сокращается. Как правило, участник, занимающий доминирующую роль в этой обстановке, пристально смотрит в лицо собеседнику, может проявлять различные формы насилия.

13. Между героями, состоящими в близких отношениях (супруги, друзья, члены семьи) практически отсутствует проявление физической близости: объятия, рукопожатия, поцелуи и т.д.

14. Физическое насилие воспринимается как норма. Большая часть конфликтных диалогов заканчивается физической расправой.

В рамках сеттинга фильма «Бесславные ублюдки», речь в котором шла о борьбе с нацизмом, а также показывалось альтернативное видение Второй Мировой войны нами были отмечены следующие характерные особенности общения:

1. Военская культура общения в американском отряде не соблюдается.

2. Незнакомые друг другу военные представляются, называя звание и фамилию. Если звания равны или если собеседник — враг, то в дальнейшем обращаются только по фамилии. Иногда к американцам обращаются по прозвищам.

3. В диалоге обеспечиваются условия, способствующие успешному акту коммуникации (предоставление переводчика, оказание медпомощи и т. д.).

4. К гражданским употребляются обращения *Madame, Herr, Mr., Mrs., Miss*, или просто называются фамилии.

5. Формулы вежливости используются в ироничном ключе, если кто-то из собеседников находится в более выигрышной ситуации и/или чувствует себя уверенно.

6. Немцев пренебрежительно называют нацистами. В целом отношение к собеседникам немецкого происхождения заведомо предвзятое.

7. Участники речевого акта заинтересованы в компромиссе даже с противником.

8. Равноправно грубое и жёсткое отношение как к мужчинам, так и к женщинам, независимо от взглядов.

9. Американским отрядом совершаются и поощряются военные преступления.

10. Военский этикет соблюдается в рядах любых других армий, кроме американской.

11. Насилие считается нормой среди представителей обоих полов.

12. Военные ведут себя сдержанно и неэмоционально.

13. Дистанция между собеседниками небольшая, иногда один коммуникант может нарушать границы личного пространства второго: трогать значки на форме, касаться открытых частей тела.

14. Принципы нацистской идеологии могут нарушаться самими нацистами.

15. Почти все конфронтации заканчиваются смертельным исходом.

В рамках сеттинга **«Криминального чтива»**, который освещает гангстерскую деятельность и романтизирует проблему наркотической зависимости установлены следующие особенности:

1. Незнакомые коммуниканты не приветствуют и не представляются, могут называться чужими именами и при первой встрече даже оскорблять собеседника — герои заведомо настроены друг к другу агрессивно и недружелюбно.

2. Молодые люди в интимных отношениях публично проявляют чувства и эмоции, причем не только романтические, а также гнев, агрессию, злобу, которые направлены как на партнёров, так и на незнакомых людей. Чаще всего обращаются друг к другу, используя уменьшительно-ласкательные прозвища.

3. Коллеги в приятельских отношениях могут обсуждать довольно откровенные темы, говорить о других общих знакомых.

4. Злоупотребление наркотическими веществами считается нормой.

5. Человек, контролирующий ситуацию, как правило, старший по возрасту, употребляет пренебрежительные обращения: *kids, boys, baby, ni*****.

6. Необоснованное насилие как проявление национализма и расизма стало отклонением от нормы. Межрасовая коммуникация стала теснее и терпимее.

7. Имена собеседников могут сокращаться в зависимости от степени близости, доверия и испытываемых эмоций.

8. Младшие по возрасту и положению собеседники обращаются к незнакомым с использованием слов *friend, guy, man*.

9. Взывание к собеседнику происходит через реплики *listen, look*.

10. Со стороны мужчин прослеживается более снисходительное отношение к женщинам равным по возрасту и положению. К женщинам выше по статусу — уважение.

11. Старшие по положению, независимо от пола и расы, нередко «ставят на место» младших.

12. Невербальные средства коммуникации, демонстрирующие статус отношений между участниками: избегание зрительного контакта или взгляд украдкой, скованность позы — характеристики неуверенного в себе коммуниканта. Человек, занимающий в разговоре более «властную» позицию, поддерживает беспрестанный зрительный контакт, вторгается в личные границы собеседника. В целом между персонажами поддерживается дистанция, соответствующая степени их близости. В романтических отношениях присутствуют объятия, поцелуи.

13. В конфликтной ситуации к оппоненту применяется физическое насилие.

14. Мужчины-лидеры общаются с расстановкой значимых пауз, в их речи преобладают императивные конструкции; в равной степени могут использовать как унижительные, так и уважительные обращения: от *ni***** до *gentlemen*. В целом персонажи-лидеры в сеттинге данного фильма употребляют

гораздо меньше бранной лексики, чем персонажи-лидеры в двух предыдущих картинах.

15. Младшие по статусу и возрасту собеседники могут делать замечания старшим по статусу, выражать недовольство, что-то требовать. Между афроамериканцами — употреблять N-word.

16. N-words употребляются также в отношении белых.

17. Обсценная лексика употребляется повсеместно.

18. Между представителями негроидной расы более близкие и свободные отношения.

19. К незнакомым людям обращаются *Sir, Mr., Mrs.* К знакомым — обращение по имени.

20. Незнакомый, но старший по положению и возрасту участник речевого акта может интересоваться подробностями личной жизни второго участника: вероисповедание, настоящее имя и т. д.

21. Значительно меньше конфронтаций стало разрешаться убийством.

Речевое поведение героев в киновселенной Тарантино

Проведенный нами анализ различных ситуаций общения в фильмах «Джанго Освобождённый», «Бесславные ублюдки» и «Криминальное чтиво» позволил предложить их классификацию с учетом социолингвистических переменных, наиболее часто задействованных в диалогах героев фильмов американского режиссера. Типология ситуаций и характерные примеры их реализации представлены в таблице с часто употребляемыми речевыми формулами и невербальными средствами общения в моделях поведения, которых придерживаются те или иные участники коммуникативной ситуации в зависимости от степени знакомства и характера связи между ними (см. Таблица 1).

Так как фильмы Тарантино в большинстве своём сконцентрированы на столкновении интересов и противоборстве, то было принято решение распределить данные по трём основным группам, соответствующим статусу отношений между говорящими: «Малознакомые, незнакомые (нейтральные отношения)», «Дружеские, рабочие, романтические отношения» и «Недружественные, конфликтные отношения».

Незнакомые, малознакомые (нейтральные) отношения	Дружеские, рабочие, романтические отношения	Недружественные, конфликтные отношения
ОБРАЩЕНИЕ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ		
<p>Установление контакта: <i>look, listen; come over here, I need to ask/tell you something</i> и т. д.</p> <p>Обращения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>man, guy, friend, dude</i>; клички, имена, фамилии – к равным по статусу/возрасту (неофициальная обстановка) • <i>Lady, Madame, Mr, Mrs, Sir; gentlemen</i>, также по должности / званию; безличные конструкции – к равным, старшим по статусу/возрасту (официальная и неофициальная обстановки) • N-word – к младшим, равным по статусу/возрасту/ (race) 	<p>Установление контакта: <i>look, listen; Come over here, I need to ask you something</i> и т. д.</p> <p>Обращения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>man, guy, friend, dude</i>; клички, имена, уменьшительно-ласкательные слова – к равным по статусу/возрасту <ul style="list-style-type: none"> ○ к женщинам: <i>fräulein, baby</i> ○ <i>Lady, Madame, Mr, Mrs, Sir; gentlemen</i>, также по должности/званию; безличные конструкции – к равным, старшим по статусу/возрасту (официальная и неофициальная обстановки) • N-word – к младшим, равным по статусу/возрасту 	<p>Установление контакта: <i>look, listen, hey.</i></p> <p>Обращения: (независимо от пола, возраста, статуса):</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>boy(s), kid(s), buster</i>, имя, фамилия, N-word, клички, оскорбления (неофициальная обстановка); • имя и/или фамилия, кличка, звание (официальная обстановка)

(неофициальная обстановка)	(неофициальная обстановка)	
Невербальные средства		
Дистанция: средняя, дальняя. Зрительный контакт, махание рукой, свист	Дистанция: близкая, средняя. Прикосновения, зрительный контакт, махание рукой	Дистанция: средняя, близкая. Грубые прикосновения, зрительный контакт
ПРИВЕТСТВИЕ		
Неофициальная обстановка: Обращение в качестве приветствия со стороны инициатора. Собеседник может не приветствовать в ответ.	Неофициальная обстановка: формулы приветствия и/или обращения в качестве него. Официальная обстановка: официальное приветствие (например, в ситуации воинского общения)	Обращение в качестве приветствия, но, к. п., отсутствует (официальная и неофициальные обстановки; независимо от пола, возраста, статуса).
Официальная обстановка: официальное приветствие (например, в ситуации воинского общения).		
Невербальные средства		

<p>Дистанция: Близкая, средняя.</p> <p>Снимание шляпы, поклоны, кивки, рукопожатия, поцелуй руки (женщинам) воинское приветствие</p>	<p>Дистанция: близкая.</p> <p>Снимание шляпы, поклоны, рукопожатия, кивки, поцелуй руки (женщинам) воинское приветствие; в интимных отношениях – формы физической близости.</p>	<p>Дистанция: близкая, средняя.</p>
ЗНАКОМСТВО, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ		
<p>Неофициальная обстановка: представление имени и/или фамилии.</p> <p>Официальная обстановка: представление имени, звания.</p>	<p>Неофициальная обстановка: представление имени и/или фамилии.</p> <p>Официальная обстановка: представление имени, звания.</p>	<p>Неофициальная обстановка: представление (чужого) имени и/или фамилии, обозначение статуса (к. п., в общении с мужчиной).</p> <p>Официальная обстановка: представление имени, звания, статуса.</p>
Невербальные средства		
<p>Дистанция: близкая.</p> <p>Зрительный контакт.</p> <p>Обозначение своей боеготовности.</p>	<p>Дистанция: близкая.</p> <p>Зрительный контакт.</p>	<p>Дистанция: близкая.</p> <p>Зрительный контакт.</p> <p>Обозначение своей боеготовности.</p>
ПОДДЕРЖКА И РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ		
Официальная и	Официальная и	Неофициальная

<p>неофициальная обстановка: приглашение «присесть», закурить, выпить; обеспечение благоприятных условий для коммуникации (переводчик, медпомощь).</p>	<p>неофициальная обстановка: приглашение «присесть», закурить, выпить; обеспечение благоприятных условий для коммуникации. Женщинам, как правило, говорят комплименты.</p>	<p>обстановка: может отсутствовать в зависимости от причин и тяжести конфликта. Угрозы. Официальная обстановка: приглашение «присесть», закурить, выпить; обеспечение благоприятных условий</p>
	<p>Переключение на код, знакомый (только) собеседникам.</p>	<p>условий для коммуникации.</p>
<p>Невербальные средства</p>		
<p>Дистанция: близкая, средняя. Зрительный контакт, прикосновения, не нарушающие личных границ.</p>	<p>Дистанция: близкая. Зрительный контакт, прикосновения, не нарушающие личных границ. В романтических или дружеских отношениях – формы близости.</p>	<p>Дистанция: близкая, средняя. Зрительный контакт. Обозначение своей боеготовности.</p>
<p>БЛАГОДАРНОСТЬ</p>		

<p>Официальная и неофициальные обстановки: неформальные формулы благодарности (<i>Thanks/Thank you</i>) - редко. Может не выражаться совсем.</p>	<p>Официальная и неофициальные обстановки: неформальные формулы благодарности. Обычно благодарность выражается бóльшим доверием в последующих ситуациях общения.</p>	—
Невербальные средства		
<p>Дистанция: средняя. Кивки головой, улыбки.</p>	<p>Дистанция: близкая, средняя. Кивки головой, улыбки.</p>	—
	<p>В романтических или дружеских отношениях — формы близости. Дарение материальных ценностей.</p>	
СОГЛАСИЕ		
<p>Официальная и неофициальные обстановки: неформальные формулы согласия (<i>Okay, fine, here we come</i>); обещание, клятва; молчание</p>	<p>Неофициальная обстановка: неформальные формулы согласия; обещание, клятва, молчание. Официальная обстановка: неформальные формулы согласия;</p>	<p>Официальная и неофициальные обстановки: Формулы согласия.</p>

	обещание, клятва, тост.	
Невербальные средства		
<p>Дистанция: близкая, средняя. Выражается также кивками головой, улыбкой, рукопожатием.</p>	<p>Дистанция: близкая, средняя. Выражается также кивками головой, улыбкой, рукопожатием. Формы близости.</p>	<p>Дистанция: близкая, средняя. Кивки головой. Редко – рукопожатия.</p>
НЕСОГЛАСИЕ		
<p>Официальная и неофициальные обстановки: Равные собеседники: формулы неформального/формального несогласия, отказа, переспрашивание, не прямой отказ и/или несогласие (<i>Forget it...</i>), условное наклонение (<i>It would be nice...</i>), употребление ругательств, переспрашивание (<i>Come again?</i>)</p> <p>• Младший старшему: переспрашивание, не прямой отказ</p>	<p>Официальная и неофициальные обстановки:</p> <p>• Равные собеседники: формулы неформального/формального несогласия, отказа, не прямой отказ и/или несогласие, условное наклонение, переспрашивание, употребление ругательств.</p> <p>• Младший старшему: не прямой отказ и/или неформальное/формальное несогласие, условное</p>	<p>Неофициальная обстановка: формулы неформального/формального несогласия, отказа, переспрашивание. Употребление ругательств, угрозы, шантаж.</p> <p>Официальная обстановка: формулы неформального/формального несогласия, отказа, угрозы, шантаж.</p>

и/или неформального/формального несогласие, условное наклонение, употребление ругательств. • Старший младшему: формулы несогласия, отказа, употребление ругательств, переспрашивание.	наклонение • Старший младшему: формулы неформального/формального несогласия, отказа, употребление ругательств, переспрашивание.	
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя. Покачивания головой в сторону, скрещивания рук на груди.	Дистанция: близкая, средняя. Покачивания головой в сторону, скрещивания рук на груди. Иногда несогласный улыбается, чтобы «смягчить» отказ.	Дистанция: близкая средняя. Крайняя форма несогласия — физическое насилие
ИЗВИНЕНИЕ		
Официальная и неофициальные обстановки: формулы неформального/формального извинения (<i>Pardon</i> , <i>Sorry</i>), сожаления.	Официальная и неофициальные обстановки: формулы неформального/формального извинения, сожаления.	—
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя.	Дистанция: близкая, средняя.	—

Извиняющийся может избежать зрительного контакта с собеседником.		
СОПЕРЕЖИВАНИЕ, СОЧУВСТВИЕ		
Официальная и неофициальные обстановки: вопросы о самочувствии собеседника(ов): <i>How we're doin'?</i> Иногда: медицинская и/или психологическая помощь.	Официальная и неофициальные обстановки: Вопросы о самочувствии собеседника(ов). Непосредственная медицинская и/или психологическая помощь.	Официальная и неофициальные обстановки: компромисс; возможность какого-то выбора для облегчения последствий конфликта.
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя. Иногда непосредственные прикосновения к собеседнику.	Дистанция: близкая. Непосредственные прикосновения к собеседнику. В интимных отношениях: формы физической близости.	Дистанция: средняя. Возможно, умерщвление в целях облегчения страданий.
ПРИГЛАШЕНИЕ		
Неофициальная обстановка: неформальные реплики приглашения. Официальная обстановка: официальные реплики	Неофициальная обстановка: неформальные реплики приглашения. Официальная обстановка: официальные реплики	Официальная и неофициальные обстановки: Редко. Например, провокационные действия вроде бросания вызова (мужчинам).

приглашения.	приглашения.	
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя. Возможно, жесты рукой.	Дистанция: близкая, средняя.	Дистанция: близкая, средняя, далёкая.
	Возможно, жесты рукой. Формы близости в интимных отношениях	
ПРОСЬБА		
Официальная и неофициальные обстановки: <ul style="list-style-type: none"> • Равные собеседники: формулы неформальной/формальной просьбы, императивные конструкции, употребление ругательств, условное наклонение (<i>Only if...</i>). • Младший старшему: формулы формальной просьбы, условное наклонение. 	Официальная и неофициальные обстановки: <ul style="list-style-type: none"> • Равные собеседники: формулы неформальной/формальной просьбы, императивные конструкции, условное наклонение, употребление ругательств. • Младший старшему: формулы неформальной/формальной просьбы, условное наклонение, императивные 	Официальная и неофициальные обстановки: (независимо от пола, возраста, статуса): императивные конструкции, употребление ругательств, мольба.

	конструкции • Старший младшему: формулы неформальной просьбы, императивны	
• Старший младшему: формулы неформальной просьбы, императивные конструкции, употребление ругательств.		.
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя. Зрительный контакт, но просящие могут его не поддерживать.	Дистанция: близкая, средняя. Зрительный контакт, но просящие могут его не поддерживать	—
ПРОЩАНИЕ		
Официальная и неофициальные обстановки (независимо от пола, возраста, статуса): формулы прощания не используются	(Независимо от пола, возраста, статуса) Неофициальная обстановка: формулы прощания, фамильярные фразы вроде <i>See 'ya round</i> и т. д. Официальная обстановка: формулы	(Независимо от пола, возраста, статуса) Неофициальная обстановка: формулы прощания не используются. Официальная обстановка: официальные формулы прощания.

	прощания, в т. ч. официальные.	
Невербальные средства		
Дистанция: близкая, средняя. Махание рукой.	Дистанция: близкая, средняя. Улыбка, махание рукой, объятия, поцелуи.	Дистанция: близкая, средняя. Чаще - применение насилия с летальным исходом.

Таблица 1

Мы можем отметить, что специфика общения в Tarantino-verse приближена к американскому речевому этикету, но применять «тарантиновские» модели на практике реального общения, разумеется, не стоит. Сравнивая речевой этикет в киноселенной Тарантино с действительным американским речевым этикетом, стоит подытожить, что оба, несмотря на некоторые сходства, всё же сильно разнятся.

Влияние творчества Тарантино на речь американцев

Безусловно, к Тарантино с благоговением относятся во всём мире, и на своей родине он особенно любим и уважаем. Его творчество стало центральной темой многих зарубежных видеоэссе и статей: *Once Upon a Time... in Hollywood* | Tarantino at his Most Meta (The Discarded Image, 2019), *The Directing Style of Quentin Tarantino* (Vasiliauskas, 2019), *Characteristics of Quentin Tarantino's Style* (Marić, 2017) и т. д.

Немало нового ленты режиссёра привнесли в повседневную речь американцев. В российской кинокритике нередко используется понятие «тарантиновский диалог». Похожее словосочетание существуют и в английском языке.

В словаре англоязычного сленга *Urban Dictionary* описано немало новых слов, образованных от фамилии режиссёра. Так, например, глагол *tarantino* определяется как «разрушить что-то до основания очень жестоким и показательным образом, как правило, случайно» (*Urban Dictionary*, 2016; перевод И.В. и С.П.). Ещё одно существительное: *The Tarantino*. Оно обозначает «процесс, во время которого меньшинство Конгресса может блокировать законопроекты (прим. И.В. и С.П. — англ. *bills*), выносимые на

голосование» (Urban Dictionary, 2010; перевод наш – И.В и С.), что отсылает к одноимённому фильму режиссёра — ‘Kill Bill’ (2003). Можно привести в пример ещё *Tarantino-verse*, *Tarantinopath*, *Tarantinoing*, *tarantinophilia* и многое другое. Есть и другие понятия, связанные не с именем режиссёра, а с предметами или явлениями в его киновселенной: *Ezekiel 25 17*, *Big Kahuna Burger*.

Если приведённый выше сленг малоупотребителен и его актуальность в будущем под вопросом, то слово *Tarantinesque* в Оксфордском словаре вполне реально и уже закреплено: “The word’s use touches on a number of features clear in these two early films (прим. автора — «Бешеные псы» и «Криминальное чтиво») graphic and stylized violence, cineliterate references, non-linear storylines, sharp dialogue, and more – and is a reminder of the impact these films had on cinema in the 1990s”, пишут в блоге Оксфордского словаря (OED, 2018).

Выводы

В результате изучения различных источников и анализа картин, снятых Квентином Тарантино, мы получили представление о речевом этикете в киновселенной режиссёра

Исследование проводилось на материале диалогов из трёх фильмов Квентина Тарантино: «Джанго Освобождённый», «Бесславные ублюдки» и «Криминальное чтиво». В ходе исследования мы применили методы анализа, индукции, обобщения и сравнения.

В настоящей работе особое внимание было уделено сюжету и сеттингам вышеупомянутых фильмов, что помогло составить характеристику «мира» Тарантино. При анализе диалогов мы учли такие важные социальные параметры, как возраст, пол, раса, идеология, национальность, статус, степень знакомства киногероев; также во внимание принимались и другие экстралингвистические факторы. Это помогло выявить лингвокультурные особенности американского речевого поведения среди представителей разных социальных групп.

В *Tarantino-verse* представлено богатое межкультурное и расовое разнообразие, которое создаёт множество уникальных ситуаций. В фильмах режиссёра поднимаются такие остросоциальные темы, как дискриминация, война, нормы морали, место человека в обществе и взаимодействие с ним. Америка в

фильмах Тарантино претерпевает изменения и развивается вместе с реальным обществом, и эти изменения заметны в первую очередь в речи героев. Характерными чертами «тарантиновского» мира является предварительная напряжённость и враждебность между незнакомыми людьми, равенство подхода ко взаимодействию между мужчинами и женщинами (одинаковая грубость и жестокость), широкое употребление нецензурной лексики, преобладание насилия, а также использование его в качестве инструмента разрешения конфликтов. Интересен тот факт, что реального американского речевого этикета придерживаются только персонажи немецкого происхождения: доктор Шульц («Джанго Освобождённый») и Ганс Ланда («Бесславные ублюдки»).

Можно сказать, что пик наибольшей напряжённости и нетерпимости в Америке Тарантино — преддверье Гражданской войны и Вторая Мировая война. В фильмах присутствуют насилие, унижение и грубая лексика, а большая часть оскорблений направлена на указание расовой, идеологической и национальной «неполноценности», и, как следствие, все столкновения между противниками заканчиваются летальным исходом. Помимо прочего, в «Джанго Освобождённом» демонстрируется и классовое неравенство; кроме того, на статус человека влияет не только раса, но и пол, и возраст. В «Бесславных ублюдках» ситуация похожая: как правило, персонажи младшие по положению являются младшими и по возрасту. Однако роль женщины воспринимается теперь иначе, и она может совершать «мужские» действия: в какой-то мере принимать участие в военных действиях, нецензурно выражаться, пользоваться оружием и пр. Стоит отметить, что герои «Бесславных ублюдков» в большей мере склонны к разрешению конфликтных ситуаций принятием компромисса, хоть эти намерения и не всегда приводятся в действие.

Наиболее «мирным» периодом Америки Тарантино стали 90-е годы XX века. Персонажи одного класса проявляют друг к другу большую терпимость, уважение (например, если до этого на женщин могли поднимать руку и оскорблять их, то в этот период к ним проявляется большая снисходительность). Женщины и молодые люди могут занимать высокое положение. Отмечено, что

в данный промежуток времени практически отсутствует расовая дискриминация: афроамериканцы вступают в межрасовые браки и занимают главенствующие должности. Не все столкновения приводят к убийству, а способы умерщвления менее садистские. Более того, персонажи, наделенные с большей властью, относятся менее грубо и пренебрежительно к подчинённым. Именно в «Криминальном чтиве» делается больший упор на речевой этикет.

Мы составили таблицу с наиболее частыми речевыми актами и соответствующими им речевыми формулами и невербальными средствами, применяемыми героями Тарантино в различных ситуациях общения. Так как жанры, с которыми работает режиссёр (криминал, чёрная комедия, спагетти-вестерн), подразумевают наличие значительного количества конфликтных ситуаций, то мы распределили речевые формулы в соответствии с типом отношений, в которых находятся говорящие.

Нами было выявлено, как фильмы автора повлияли на речь современных американцев. Несмотря на то, что американцы практически не воспроизводят дословно реплики полюбившихся им персонажей, речь большинства из них пополнилась сленгом, связанным с героями фильмов Тарантино. Более того, одно из разговорных слов, образованное от имени режиссёра, было занесено в Оксфордский словарь, что подтверждает факт влияния работ автора на речь англоговорящих зрителей и их культуру в целом. Эффект, который произвели картины режиссёра, заключается не только в пополнении лексики английского языка, но и в создании совершенно нового феномена в массовой культуре США и многих других стран.

Литература

1. Арустамян Д.В., Дроздова Е.А. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале английского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 203-207.
2. Галибердова Д.Р. Английский речевой этикет // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – №5. – С. 19-24.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских культурных традиций. –

- М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – (Язык. Семиотика. Культура.)
4. Малюга Е.Н. О значении речевого этикета для основных вариантов английского языка // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2006. – №8. – С. 57-62.
 5. Мордовина Л.В. Речевого этикет // Аналитика культурологии. – 2010. – №2.
 6. Тетерятник А.А. Речевые особенности диалогов в фильмах Тарантино // Кино. Речь. Культура Санкт-Петербург, 25–26 мая 2018 года, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. – 2019. – Режим доступа: elibrary.ru/item.asp?id=38536500 (дата обращения: 01.04.2021)
 7. Щербнин А. А. No-nonsense English: учебное пособие по английскому речевому этикету для студентов 1 и 2 курсов дневного и заочного обучения всех специальностей. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2008. Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/21936.html> (дата обращения: 24.05.2021)
 8. «Django Unchained» (реж. К. Тарантино, 2012)
 9. «Inglorious Basterds» (реж. К. Тарантино, 2009)
 - 10.«Pulp Fiction» (реж. К. Тарантино, 1994)
 - 11.Malyuga, E., Maksimova, D., Ivanova, M. Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication // International Journal of English Linguistics. – 2019. – Vol. 9. – No. 3. – Pp. 310-318.
 - 12.Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. Training, Language and Culture, 3(1), 8-22. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.1
 - 13.Marić L. Characteristics of Quentin Tarantino's Style. Preddiplomski sveučilišni studij engleskog jezika i književnosti (dvoпредметни), Sveučilište u Zadru. – Zadar, Završni rad. – 2017. – Режим доступа: core.ac.uk/download/pdf/198122138.pdf. (дата обращения: 20.04.2021)
 - 14.Miller M. All Quentin Tarantino Movies Are Connected. Here's Where Once Upon A Time in Hollywood Fits // Электронное

- издание «Esquire». – 2019. – Режим доступа: (<https://www.esquire.com/entertainment/movies/news/a41379/quentin-tarantino-movies-connected/#>) (дата обращения: 15.04.2021)
- 15.OED 3: The Revisioning (October 2018) // Блог Оксфордского словаря. – 2018. – Режим доступа: <https://public.oed.com/blog/oed-3-the-revisioning-or-how-we-added-film-terms-in-the-september-2018-release/> (дата обращения: 21.05.2021)
- 16.Rose C. Charlie Rose Show: Quentin Tarantino 14.10 [Интервью] (Charlie Rose Show Archive). – 1994.
- 17.The Discarded Image. Once Upon a Time... in Hollywood | Tarantino at his Most Meta [Видео файл]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=V0iLXu8X5Zs> (дата обращения: 15.09.21)
- 18.Urban Dictionary // Интернет-словарь английского сленга. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 21.05.2021)
- 19.Vasiliauskas M. The Directing Style of Quentin Tarantino // The Studio Binder Blog. – Режим доступа: <https://www.studiobinder.com/blog/shot-lists-quentin-tarantino/>. – 2019 (дата обращения: 15.09.2021)

References

- Arustamyan, D. V., & Drozdova E. A. (2018). Lingvopragmaticheskiy aspekt rechevogo povedeniya kommunikantov v situatsiyah povsednevnogo obscheniya (na materiale anglijskogo yazyka) [Linguopragmatic aspect of speech behavior of communicators in everyday situations (based on English language)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (4), 203-207.
- Galiberdova, D. R. (2019). Anglijskiy rechevoj etiket [English Speech Etiquette]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 10 (5), 19-24.
- Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture*, 3(1), 8-22. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.1
- Larina, T. V. (2009). Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii:

- Sopostavlenie anglijskih i ruskih kul'turnyh tradicij [Politeness Category and Communication Style: Comparison of English and Russian Cultural Traditions]. In *Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi* (p. 512). Moscow.
- Malyuga, E. N. (2006). O znachenii rechevogo etiketa dlya osnovnyh variantov anglijskogo yazyka [Significance of Speech Etiquette for the Main Variants of the English Language]. *Russian Journal of Linguistics*, 8, 57-62.
- Malyuga, E., Maksimova, D., & Ivanova, M. (2019). Cognitive and Discursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication. *International Journal of English Linguistics*, 9 (3), 310-318.
- Marić, L. (2017). Characteristics of Quentin Tarantino's Style. [Preddiplomski sveučilišni studij engleskog jezika i književnosti (dvopredmetni), Sveučilište u Zadru]. Zadar. *Završni rad* Retrieved from core.ac.uk/download/pdf/198122138.pdf (accessed 20.04.2021)
- Miller, M. (2019). All Quentin Tarantino Movies Are Connected. Here's Where Once Upon A Time in Hollywood Fits. [Digital edition] *Esquire*. Retrieved from <https://www.esquire.com/entertainment/movies/news/a41379/quentin-tarantino-movies-connected/#> (accessed 15.04.2021)
- Mordovina, L. V. (2010). Rechevoj etiket [Speech Etiquette]. *Analitika Kulturologii*, 2.
- Oxford Dictionary Blog. (2018). OED 3: The Revisioning. Retrieved from <https://public.oed.com/blog/oed-3-the-revisioning-or-how-we-added-film-terms-in-the-september-2018-release/> (accessed 21.05.2021)
- Rose, C. (Interviewer) & Tarantino, Q. (Interviewee). (1994). *Charlie Rose Show: Quentin Tarantino* 14.10 [Interview]. Retrieved from Charlie Rose Show Web Archive.
- Scherbnin, A. A. (2008). No-nonsense English: uchebnoe posobie po anglijskomu rechevomu etiketu dlya studentov 1 i 2 kursov dnevnogo i zaichnogo obucheniya vseh spetsial'nostej [No-nonsense English : Study Guide on English Speech Etiquette for students of 1st and 2nd courses of attendance based and extramural studying of all specializations], (p. 46). Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj institut kul'tury. Retrieved from

- <https://www.iprbookshop.ru/21936.html> (accessed 24.05.2021)
- Tarantino, Q. (Director). (1994). *Pulp Fiction* [Film] A Band Apart, Jersey Films.
- Tarantino, Q. (Director). (2009). *Inglourious Basterds* [Film] A Band Apart, Studio Babelsberg, Visiona Romantica.
- Tarantino, Q. (Director). (2012). *Django Unchained* [Film] A Band Apart, Columbia Pictures.
- Teteryatnik, A. A. (2019). Rechevye osobennosti dialogov v fil'mah Tarantino [Speech Peculiarities of the Dialogues in Tarantino Films]. *Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kino i televideniya*, 73-75. Retrieved from elibrary.ru/item.asp?id=38536500 (accessed 01.04.2021)
- The Discarded Image. (2019). Once Upon a Time... in Hollywood | Tarantino at his Most Meta [Video file]. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=V0iLXy8X5Zs> (accessed 15.09.21)
- Urban Dictionary. (2021). Online Dictionary for English Slang. Retrieved from: <https://www.urbandictionary.com> (accessed 21.05.2021)
- Vasiliauskas, M. (2019). The Directing Style of Quentin Tarantino. Retrieved from <https://www.studiobinder.com/blog/shot-lists-quentin-tarantino/> (accessed 15.09.2021)

УДК 811.111:316.776.3

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.02>

А.В. Литвинова

Российский университет дружбы народов

РАЗЛИЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА ОТКАЗ В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

Данное исследование посвящено речевому акту Отказ в американской и русской коммуникативных культурах.

Цель настоящей работы провести сопоставительный анализ реализации речевого акта Отказ в русской и американской лингвокультурах и объяснить выявленные различия с точки зрения особенностей культуры.

В связи малочисленностью сравнительных исследований речевых актов в американской и русской коммуникативных культурах, впервые был проведен сопоставительный анализ РА Отказ в лингвокультурах США и России в следующих коммуникативных ситуациях: отказ на предложение о помощи, на просьбу о помощи, на приглашение, и был проведен их анализ через призму культурных и этнокультурных стилей коммуникации. В работе были использованы методы наблюдения, в том числе включенного, сбора материала, лингвокультурологического, прагматического, сопоставительного количественного и дискурсивного анализов. Данные для нашей работы были собраны путем анкетирования: были опрошены 50 информантов в США и 50 информантов в России, тем самым было получено 100 анкет для изучения или 1400 коммуникативных выражений отказа.

Полученные в ходе данного исследования результаты дают новые данные, подтверждающие уже существующую теорию о влиянии культуры на язык и коммуникативное поведение.

Ключевые слова: речевой акт Отказ, Россия, Америка, лингвокультура, коммуникативная ситуация, сопоставительный анализ, дискурсивный анализ

UDC 811.111:316.776.3

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.02>

A.V. Litvinova

RUDN University

DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF REFUSAL SPEECH ACT IN AMERICAN AND RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURES

This article provides the study of the speech act of refusal in American English and Russian and investigates their refusal strategies from the perspective of cross-cultural communication. The study aims to find similarities and differences between the ways of refusing requests, offers and invitations in different social contexts in these languages. Due to the lack of comparative studies of speech acts in American and Russian communicative cultures, for the first time a

comparative analysis of speech act Refusal was conducted through the prism of cultural and ethnocultural communication styles. We employed multiple methods including the methods of observation, linguoculturological, pragmatic, comparative and discursive analyzes. The data for our work were collected through questionnaires: 50 informants in the United States and 50 informants in Russia were surveyed; thereby we have obtained 100 questionnaires or 1400 communicative expressions of refusal.

The obtained results give new findings to Intercultural Pragmatics, Sociolinguistics and Contrastive Linguistics. They confirm the interconnectedness of culture, language and communication and highlight the perspective of interdisciplinary studies of language use. The knowledge of communicative differences in refusal is necessary for the acquisition and development of pragmatic competence of L2 English learners and successful intercultural communication.

Key words: speech act Refusal, Russia, America, linguoculture, communicative situation, comparative analysis, discourse analysis.

Introduction

In our age the success of cross-cultural communication mostly hinges on the knowledge, or better yet understanding the culture of another person, rather than the knowledge of phonetics, grammar and syntax (even though the lack of this basic knowledge renders communication impossible). Every language community has its own definitive communication culture rules dependent on traditions, norms and the notion of politeness.

The influence of culture on communication and speech acts, including on the speech act of refusal in various communicative situations and discourses is quite important.

The topicality of this paper is determined by the importance of understanding differences in the implementation of the speech act of refusal in cross-cultural communication. For example, in the Anglo-American culture, the standard scheme of refusal would look as follows:

I say: No

I do not want you to feel something bad because of this

I will say something more about it because of this;

In Israeli culture:

I say: No

I think I do not have to say anything more about it (Larina, 2010).

The *purpose of this study* is to conduct a comparative analysis of the implementation of the speech act of refusal in the American and Russian linguocultures and to explain the differences found from the perspective of cultural singularities.

To realize this purpose we have developed the following *goals*:

- Define the notion of the speech act of refusal and identify its core characteristics
- Conduct a questionnaire survey among Americans and Russians
- Conduct a quantitative and qualitative comparative analysis of the questionnaire results
- Identify similarities and differences of the two cultures
- Explain the differences found.

The object of research is the speech act of refusal.

The subject of research includes communicative strategies and language means of their implementation.

The research material is comprised of speech statements with the expression of refusal (in such communicative situations as: refusal to an offer to help, to a request for help, to an invitation), received by questioning 50 Americans and 50 Russians.

The theoretical background of our research were the works of Russian and foreign scholars in such fields as cultural linguistics and intercultural pragmatics (Larina T.V., Vezhbitskaya A., Visson L.), sociology and anthropology (Hall E., Hofstede G. Parsons T. Brown P., Levinson S.), discourse analysis (Karasik V.I., Herman N.F.).

The practical significance is in that the results obtained may be used in lecture courses on linguopragmatics and intercultural communication, as well as have practical application in classes on English and Russian as a foreign language.

Cross-cultural pragmatics is currently a relevant area of linguistic research, as it aims to study the communicative function of language in various contexts. As A. A. Leontyev noted, “in order for language to serve as a means of communication, there must be a single or similar understanding of reality behind it” (Leontyev, 2003, p. 272).

As of today, quite a few different typologies of cultural dimensions have been developed: the criteria for measuring business cultures by F.

Trompenaars and C. Hampden-Turner, the theory of cultural literacy by E. Hirsch, etc. However, we conducted our research through the lens of G. Hofstede's typology (Hofstede, 1984, p. 1991).

Hofstede's theory is the basis for cross-cultural psychology, international management, and most importantly, cross-cultural communication, since he was able to choose the most successful set of universals to classify completely different cultures. Hofstede's theory describes the influence of culture on life, values, worldview and on the communicative behavior of an individual. He identifies six main criteria by which he classifies cultures: power distance, individualism and collectivism, masculinity and femininity, high and low levels of uncertainty avoidance, strategic thinking and assumption (or indulgence).

Let us study those criteria in more detail:

1. *Power distance index* – the degree of perception of power by subordinate individuals. This criterion shows to what extent a society deprived of power can accept an unequal distribution of power and authority in a social organization, city, country (in our case). Countries with a pronounced distance from power (Russia, Arab countries, China, the Philippines, Mexico, Iraq, Indonesia, Thailand) are characterized by admiration for power, fear of expressing their opinion or taking initiative, the presence of certain rituals that emphasize the observance of hierarchy (for example, to get up when the boss enters the room), the presence of certain linguistic forms that emphasize social inequality (the form Вы or Name + patronymic, in Russian). Countries with a low index of distance from power (USA, Austria, New Zealand, Israel, Denmark) are characterized by equality, the ability to show initiative, the ability to question authority, etc.

2. *Individualism vs. Collectivism* – is expressed as the opposite of collectivism. In an individualistic culture (USA), a person puts his “I” autonomously from everything, knows his rights to personal privacy, does not feel the need to act together with someone. Collectivism, on the contrary, is a culture characteristic of Russia, when there is an awareness of oneself, not as an individual, but as part of a team, an orientation towards the situation, and the action usually takes place jointly with someone, integrative.

3. *Masculinity vs. Femininity* – determines the degree of focus on results. Countries with a high index (USA, Italy, Japan) are classified as

masculine; the citizens of this country are characterized by ambition, dedication, persistence, initiative. Countries of the female type (Norway, Denmark) are focused on honoring cultural and family values, improving living standards. As for Russia in this criterion, even the philosophers of the early XX century said: Russia has a female soul.

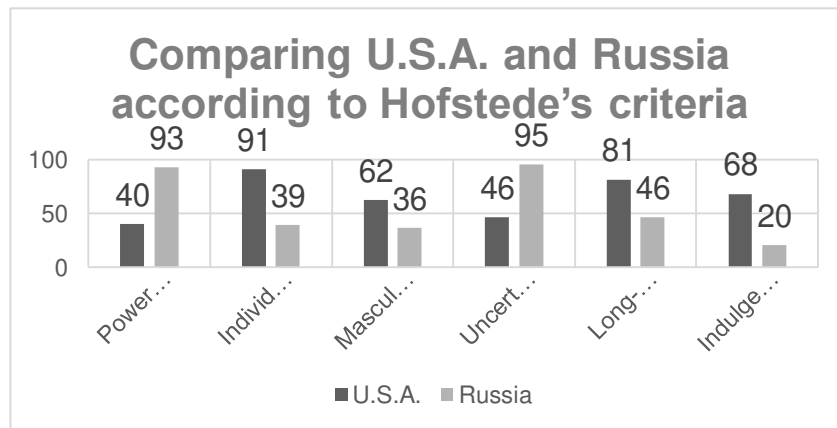
4. *Uncertainty avoidance* – determines the level of stress of a person when they face unusual situations. Countries with a low level of uncertainty avoidance (USA, India, Sweden, Singapore, etc.) usually have fewer rules and codes, since it is believed that citizens are able to deal with certain situations themselves, without additional rules. Residents are less stressed, so they can calmly perceive any changes or unforeseen situations. They are quite tolerant, positive and emotionally stable. Countries with a high level of uncertainty avoidance (Greece, Spain, Japan) usually have very strict rules, laws and traditions. People in these countries are intolerant of change or uncertainty. They provide themselves with peace of mind through rigid norms of behavior that everyone must follow. Thus, they minimize the possibility of accidents as much as possible.

5. *Long-term orientation vs. short-term orientation* – an index that defines strategic thinking oriented towards the future and long-term relationships. Cultures with such an index (the states of Southeast Asia) may be characterized by such qualities as perseverance, resilience and prudence, while cultures with a low indicator (European countries) - by adherence to traditions.

6. *Indulgence vs. Restraint* - an index that defines the measure of happiness a person can achieve. In other words, a low indicator is for restrained cultures that restrict themselves in their desires, while a high indicator is for cultures that can behave *indulgently* in order to achieve their happiness.

Since in our work we directly study the cultural characteristics of Russia and the United States, we are giving the following diagram for the sake of clarity of the differences between the two cultures according to the Hofstede criteria:

Diagram 1. Comparison of the U.S.A. and Russia based on G.Hofstede's criteria

Relationship of language and culture

The relationship between language and culture has been stirring the minds of many scientists for many centuries. Even Plato said that language creates culture, since ideas are innate inside our head like veins in a marble block (Leibnitz). Other scholars, such as Locke and Humboldt, their followers and Marxists claimed that the language is a child of culture. Even though these two opinions are opposing, both parties agreed that language and culture are closely interconnected, even inseparable.

In our time, there are many theories proving the influence of culture on communicative behavior. The founder of the theory of intercultural communication, American anthropologist and cross-cultural researcher Edward Hall, was the one who expressed the idea of a strong relationship between culture and communicative behavior. In his opinion, culture is communication, and communication is culture (Hall 1959, p. 169). Hall noted that some cultures are so different that communicants do not even realize that, using the same lexeme, they are talking about completely different phenomena, thereby imposing absolutely opposite images of reality upon each other. But what is interesting to note is that not a single native speaker of a language understands why they attach a certain meaning to a concept, because it arises at a subconscious level, in the depths of the history and culture of their people.

E. Hall conducted a series of studies comparing the features of

different cultural communities and identified their cultural and communicative singularities that he reflected in his book *Beyond Culture* (1976). The American researcher classified certain dimensions of culture that determine its features. He considered the context to be one of the fundamental characteristics, since it is precisely the absence of context that often precludes full understanding of a foreign language; without a context, a statement is considered a mere fragment of a complete message.

According to Hall, there are two types of context/culture: high-context and low-context ones (Larina, 2017).

Collectivism is inherent in high-context cultures. People of Japan, Arab countries, the Mediterranean region, where there is an extensive information network among families, friends, colleagues and clients who are involved in close personal relationships, are high-contextualized. As a result, they do not require and even to a lesser extent expect comprehensive background information for most normal interactions in everyday life. This is because they constantly maintain their awareness of everything that concerns the people who are important to them (Hall, 1990, p. 28). We may say that the following features of this culture can be called distinctive: orientation to a non-linguistic context, covert manner of speech, the presence of pauses, lack of details and additional information, avoidance of conflict/dispute, and lack of emotions. The Chinese and Japanese pretend that nothing has happened even in the most difficult situations. This behavior may be explained by a cohesive and stable cultural system (Hall, 1989, p. 102). High-context culture is inherent in France, Italy, Russia, Thailand, Brazil, etc.

Those cultures that, on the contrary, are dominated by a freer network of connections in the social environment and a smaller amount of information, are called low-context cultures. Low-context cultures are characterized by individualism, with individuals easily entering into interpersonal relationships and also easily breaking them. They rely more on written evidence than on conversations or even on 'idle talk'. For representatives of this culture, it is important *what* to say, not *how*. Communication takes place in the form of information exchange, with details and perhaps even minutia that is redundant for conveying a complete picture of the situation. The distinctive features of this culture are the following ones: direct and expressive manner of speech;

articulate, objective and clear assessment, open expression of emotions and discontent, lack of understatement. It was this theory of cultures by E. Hall that gave impetus to studying intercultural relations and exploring the features of cross-cultural communication.

There are also other theories that verify the influence of culture on communication. For example, M. Guirdham noted that: Cultures are nothing more than the same way of thinking and way of acting that exist due to relatively isolated intragroup communication. Cultures differ from one another because the level of communication between representatives of different cultures is lower than between representatives of one culture. If people from different cultures communicated with each other as much as they communicate within their own culture, then the cultures themselves would soon disappear (Guirdham, 1980). Another researcher B. Haslett wrote that culture and communication are acquired simultaneously and cannot exist without one another (Haslett, 1989).

Also, in addition to the communicative function, which consists in transmitting information, culture has another important function - a normative one. This function is responsible for the norms, rules and standards of behavior, since it is culture that prescribes and regulates human behavior in a society. Based on this function, cultures may be divided into 'cultures of intensive saturation with norms' and 'cultures of non-intensive saturation with norms' (Kravchenko, 2001, p. 22), or in other words, a culture with a high or low level of regulation of behavior. The countries of Asia - China and Japan - are vivid representatives of cultures with intensive saturation of norms, since it is in these cultures that the most stringent and clear rules of etiquette and behavior operate. If we talk about the cultures that we compare in our paper, then the culture of Russia is more regulated than the culture of the freedom-loving America. T. Parsons also considers the type of communication to be one of the parameters of the cultures classification.

Speaking about the comparison of the communicative behavior of Americans and Russians, we cannot help mentioning the person who observed the phenomenon of cultural differences by means of participatory observation. L. Visson in her book *Russian problems in English speech. Words and phrases in the context of two cultures* (2003) writes: 'Speaking in English without knowing the realities and

culture behind it means feeding your listeners with tasteless chewing gum of literalisms and dooming yourself to endless mistakes' (Visson, 2003). This book also features an interesting chapter titled *How to Express the Russian Soul?*, in which she describes the essence of the differences in the perception of the world by two different cultures. So, Americans perceive and feel everything with their *mind* or *heart*, while Russians perceive everything through their *soul*. This one difference alone may produce a communicative problem, when expressing such phrases as 'от всей души', 'жили душа в душу', 'душа не на месте', 'кривить душой', since none of these expressions in the American language will contain the word *soul* or *spirit* (Visson, 2003).

Another interesting feature of American culture is such a concept as *positive thinking* or optimistic thinking, which manifests itself in an optimistic attitude to life and which they try to consolidate in their language. This concept manifests itself in every conversation, against pessimistic thinking in Russia. For example, when meeting, a Russian person may ask *Как дела?* and will most likely receive a detailed answer about the current state of affairs, while the corresponding English *How are you?* is a false equivalent and simply means a greeting, to which any American will answer *I am fine, I am great, everything is all right*, even if their house has just burned down or there were fired from their job; or, for example, when an appointment is being made, a Russian will simply agree or refuse, while an American will definitely add *fine, thank you, I would love to, It would be great*, etc. When letting a small child go for a walk, any parent in Russia will say *будь осторожен, не упади, не испачкайся* (*be careful, don't fall, don't get dirty*), etc., while in the USA, parents will say *Have fun! Enjoy! Have a good time!* On the street, if a Russian notices a passer-by who fell in the street, they will surely ask *Вам помочь?* (*Do you need help?*) And in the USA, a passer-by will once again be positively reaffirmed by saying *Are you good?* And they will definitely hear *I am fine, thank you* in response.

Thus, when comparing these two cultures the following happens: Russians do not understand the perennial optimism and the tendency to smile of the Americans, while the Americans are startled by the Russian pessimism.

Another cultural singularity that influences the language is collectivism and individualism. For Russians as representatives of a

collective culture, the most typical mode of communication is when communicating parties do not have to think about manners, expression of emotions, but can instead behave naturally, talk straightforwardly, refuse explicitly and can ask a personal question without any doubt without breaking into another person's personal space, since our culture does not have the notion of *privacy* that is so inherent in Americans.

Americans as representatives of an individualistic culture are characterized by implicitly, lack of explicit refusals, tendency to always smile, restraint in negative emotions and avoidance of personal questions.

Summing up the facts mentioned we may make a conclusion that with regard to cross-cultural communication one should remember that culture is an established system which has nothing chaotic about it but instead offers a clear explanation to everything. The key communicative problem is that through the lens of our culture we are not always able to trace this cause-and-effect linkage. Sometimes one has to look at another culture from the perspective of cultural relativity, thus overcoming the ethnocentric approach inherent in all humans, to avoid subjectivity as well as foster tolerance, ethnographic curiosity and capability of cross-cultural reflection in oneself. We should not judge another culture, because it may be neither good nor bad, but may only be different.

The speech act of refusal

In modern linguistic theory, the problem of studying the representation of speech acts is discussed within the framework of communicative linguistics, pragmalinguistics and psycholinguistics. It is these disciplines that use a synthetic approach to language, combining linguistic research proper (stylistic, rhetorical, syntactic) with research in related disciplines (psychology, sociology). To study the features of real communication, researchers needed to establish a normative unit of communication. Linguists have been trying for a long time to reach a common opinion regarding the minimum unit of verbal communication. At the moment, in the linguistic literature, we can find three terms for this purpose: "sentence", "utterance" and "speech act". So, according to M.M.Bakhtin, the utterance should be designated as a real unit of speech communication: Speech is always cast in the form of an utterance belonging to a specific speech subject, and cannot exist outside this form (Bakhtin, 1986, p. 440). V. A. Beloshapkova defined

the relationship of the statement to the proposal, noting that the proposal is a multidimensional phenomenon, including the formal, semantic and communicative side of the organization.

In the theory of a speech act, not a sentence or utterance, but a speech act is taken as the minimum unit of communication. According to J. Searle, the object of study of this discipline is the process of implementing various types of acts, during which the speaker "makes a statement or asks a question, gives a command or reports, congratulates or warns" (Searle, 1986, p. 151).

Let us turn to the definitions of a speech act proposed by various researchers. According to E.V. Paducheva, a speech act is the minimum unit of speech activity, distinguished and studied in the theory of speech acts, a discipline that is the most important component of linguistic pragmatics (Paducheva, 1985, p. 19). This definition, however, in our opinion, is too generalized and does not give a complete picture of the essence of the speech act. R. Nordqvist also offers a definition of this concept. According to the author, a speech act in linguistics is a statement that is determined by the intentions of the speaker and the effect it has on the listener.

In our work, we will start from the definition of a speech act proposed by N.D. Arutyunova, since, in our opinion, it reveals the essence of this concept in the fullest possible way. A speech act is a purposeful speech action performed in accordance with the principles and rules of speech behavior adopted in a given society; a unit of normative social-verbal behavior, considered within the framework of a pragmatic situation (Arutyunova, 1981, p. 359).

Consequently, a speech act is an integral part of successful communication, while functioning in accordance with the rules of behavior accepted in society and in direct dependence on the social status of the speaker and listener. A speech act serves as a means of conveying the speaker's intentions, his or her emotional state, and contributes to the achievement of the goal of communication.

The focus of our work is on the speech act of refusal. The term "refusal" in linguistics is understood and interpreted almost unambiguously. This term is usually associated with the act of not accepting the addressee's intention and expressing a negative reaction to the original goals of the addressee. The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by S.A. Kuznetsov,

interprets “refusal” in its basic meaning as a negative response to a request, demand or offer (Kuznetsov, 2004).

Purposeful study of the speech act of refusal as a perlocutionary act became possible only with the emergence and development of pragmalinguistics. Pragmatics is a central concept in the theory of speech activity, where the focus of research is on a person in the role of a participant in communication. The structure of a speech act can be represented as a “two-vertex system” (Kolshansky, 1984), in which, first of all, two participants in communication are distinguished - the speaker and the listener. Thus, in each individual case of interaction, communicants have their own communicative attitude, intention and tactics of reaction in the process of speech interaction. The addressee creates a statement not only “for some reason,” but also “for something,” with some kind of communicative purpose. Therefore, studies of indirect and implicit speech acts of refusal are directly related to the intentions of the speaker. The fulfillment of the communication goal set by the speaker depends on the listener's adequate reaction, on his interpretation of what was said, which can be considered one of the grounds to conditionally distinguish between indirect and implicit speech acts of refusal. During the implementation of the indirect and implicit speech act of refusal, the communicative intention of the speaker is to refuse the listener, but at the same time not to hurt, offend, or upset him.

Indirect speech acts are characterized by a formal expression of intention, but indirectly rather than directly. An indirect expression of refusal is a statement in which the literal meaning of the phrase is at odds with the functional-pragmatic meaning, that is, with the real purpose of the statement: formally it is about one thing, but in fact about the other (Stermin, 2001). Such acts are addressed when it is necessary to strengthen the degree of conviction, appeal to attention, soften an order or prescription, show respect, spare feelings, win over. The majority of Russian researchers distinguish the absence of direct expression of a certain content in the surface structure of the utterance as the main criterion of impersonality.

The creation and interpretation of a speech act of indirect and implicit refusal is possible if the speaker's mind contains an appropriate situational or episodic model, based on which he or she chooses the preferred linguistic means. T.A. van Dijk points out that models are the

primary constructs of memory that explain why discourse can be largely implicit, indirect, unclear or incomplete: listeners are able to strategically activate relevant fragments of the models necessary for understanding discourse (van Dijk, 1989). The speech act of indirect and implicit refusal includes the initial response-stimulus and the response-response to it, the actual refusal. In other words, there is a stimulus-response relationship between the remarks of the communicants; each source remark directly spawns a second, response remark.

The speech act of direct or emphatic refusal is also singled out. The pragmatic function of such a statement is clearly expressed, and the speech act is only an act of refusal, in which the speaker's intention is also clear and unambiguous (Postoenko, 2001). Depending on the additional language means used, direct refusal can be divided into two types: categorical and mitigated.

The parameters of the speech act of refusal can be traced using the scheme proposed by T.V. Shmeleva (Shmeleva, 1990).

- The communicative purpose of this speech act is to respond negatively to a proposal, demand, or reject the interlocutor's proposal.

- Speaker profile - the speaker takes the opposite position in relation to the position of the interlocutor, he is interested in performing the action that the interlocutor mentions.

- Listener profile - the listener expects to yield to the influence and perform the required action.

- Event content - the speech act of refusal includes a negative response to a stimulus response and an explanation of the reasons for this response.

- The factor of the communicative past - the refusal may be characterized as a reactive response, since the presence of any previous statements is necessary.

- Factor of the communicative future - the speech act of refusal does not imply a speech reaction or the performance of any action.

- Linguistic embodiment - the speech act of refusal, as noted earlier, presupposes a negative response, then the response of refusal, as a rule, contains explicit negation (communicative “no”, particle “not”, etc.).

Other ways of expressing the speech act of refusal will be discussed in more detail below.

On the basis of this scheme of a speech act of refusal, it is possible

to compose a universal model of a given speech act, where A is the speaker (the author of a negative reply-reaction), B is the interlocutor, C is a certain action (the numbers indicate the steps-actions of the communicators occurring in the following sequence):

- (1) B asks or requires A to do or stop C.
- (2) A has no ability or desire to commit or stop C.
- (3) A tells B that C will not do.

As noted in the works of O. V. Bychikhina, in a speech situation of refusal in response to a stimulus response (expressed verbally or nonverbally, directly or indirectly), the speaking subject responds negatively, and does this verbally (directly or indirectly), using an array of non-verbal ways of expression (gestures, facial expressions, intonation, etc.) (Bychikhina, 1998).

Thus, the scenario for the implementation of the speech act of refusal can be represented as follows: the speaker / addressee encourages the interlocutor to action/inaction, influencing his consciousness, involving him in the corresponding activity. The listener/addressee (the person directly expressing the refusal) perceives the incentive statement, taking into account the socio-cultural and specific situational contexts. In this case, the addressee realizes that he or she does not want/cannot perform a certain action and that the present state of affairs does not suit him or her in any way, which may be due to certain conditions or circumstances leading to a refusal to perform this action.

Politeness strategies and language means of their realization

In the course of communication, a person often has to face the need to refuse some offer, a request to perform an action. The implementation of a speech act of refusal may present difficulties for people of one linguistic community, since refusal, as a speech action unfavorable for the addressee, requires special politeness and adherence to the rules of speech behavior (Formanovskaya, 1989). In the course of communication between representatives of different cultures, such difficulties are exacerbated by the presence of problems of inconsistency of refusal structures in different speech communities, since the choice of a specific form to perform a specific function in communication is determined by sociolinguistic parameters and cultural characteristics. S. Gass and N. Hawke note that speech acts of refusal are carried out under the influence of social norms adopted in

society, which participants in communication are obliged to observe, as well as pay attention to the correct language means used when implementing or responding to refusal. Thus, the communicative situation of rejection requires both interlocutors to have certain pragmatic competences (Gass & Hawke, 1999, p. 49).

Refusal speech acts are of particular interest to researchers due to their complex structure. Failures are often implemented indirectly and involve several stages. In addition, the form and content of refusals may vary depending on the speech acts that generate them (request, offer, etc.). The degree of implicitness/explicitness of the refusal also often depends on the social status of the speaker and listener. In most cultures, there is a tendency towards indirect rejection, using mitigation and explanation/postponement tactics, indicating to the interlocutor that the reluctant has specific reasons for rejecting and may change his mind as the situation changes.

J. Searle in his research has established a direct relationship between the implicitness of refusal and the use of formulas of politeness. The author notes that with an indirect refusal, the speaker conveys to the listener more than he or she actually says, which is due to the general background information, both linguistic and extralinguistic in nature. This allows the listener to independently infer the speaker's intentions (Searle, 1975). According to the observations of researchers, people often indirectly express their intentions to appear polite in communication, that is, politeness is an important factor affecting the frequency and likelihood of implicitness as a phenomenon in social interaction. On the other hand, Searle did not take into account the cultural characteristics of various speech acts and the fact that in some cultures (Russia, Greece, Israel), straightforwardness is not always the opposite of politeness.

In one of the most influential theories of politeness in modern linguistics, P. Brown and S. Levinson (Brown & Levinson, 1987) argue that the urge to "save face" is what motivates communicators to resort to politeness formulas. In their theory, the "face" represents the self-esteem of the participants in the communication, and according to the authors, the interlocutors simultaneously try to maintain both a positive face and a negative face. In this context, a positive face means the desire of the interlocutor to make a favorable impression and be accepted by the social group to which he or she would like to belong,

while a negative face means the desire for autonomy and freedom of action. Thus, speech acts that may interfere with the fulfillment of the desires of the communicants (refusals among them) are considered potentially dangerous due to the "loss of face". Therefore, participants in communication use politeness strategies to prevent this from happening. However, the concept of a person may not be so significant in cultures focused on the well-being of a group, rather than on the self-realization of an individual, and speech acts of a request, for example, fraught with interference in the life of another person and assessed by the authors as potentially dangerous, may not have this connotation in other cultures.

Based on Brown and Levinson's concept of politeness, R. Scollon, S. Scollon and R. Jones have developed three types of politeness systems: 1) distinction, 2) solidarity, 3) hierarchical system (Skollon, Skollon & Jones 2012). The parameters that define the system are the two variables - power and distance. The first two systems are symmetrical and the third, hierarchical, is asymmetric. In the system of differences, the participants in communication treat each other as equal at the social level (-power), however, there is still a distance between them in personal communication (+ distance). Communicators use strategies of independence and respect each other's negative faces. An example of such communication is communication between colleagues of approximately the same status, who are not very familiar with each other. In the solidarity system, participants are at the same social level (-power) and have closer personal relationships (-distance). Participants take care of each other's positive faces. An example of such communication is the relationship of good friends. In a hierarchical system, communication participants are at different social levels (+ power). The relationship between them may be both close and distant. A participant in communication with a higher social status will use strategies of solidarity or involvement, while a participant of a lower social status will use strategies of independence. An example is the relationship between a professor and a student.

Singularities of the speech act of refusal in various linguocultures

The Russian and American linguocultures are the focus of our study. While analyzing politeness strategies and specific language means of its realization in speech acts of refusal it is of utmost importance to

bring the linguistic parameters of communication into correlation with social and cultural ones. Let us move to classifications of the above mentioned strategies and language means developed by various researchers and to specific examples of their use in the Russian and American linguocultures.

As it was already noted earlier, language means of realizing a speech act of refusal may include direct and indirect strategies of preserving the positive and negative 'face'. J. Félix-Brasdefer gives the following examples of refusals and additions to them (Félix-Brasdefer, 2008, pp. 42-43). A direct refusal is normally expressed directly and clearly (*No, No, I can't; I can't*). In an indirect refusal situation, the interlocutors have to mitigate their straightforwardness with various strategies that are appropriate in this context. The following strategies may act as such:

- Distancing strategy (*unfortunately, I don't think I'll be able to attend the party*).
- Reason or explanation (*I have plans*).
- Implicit refusal (*I don't know if I'll have time*).
- Alternative (*Why don't we go out for dinner next week?*).
- Postponement (*I'd rather take this class next semester*).
- Request to clarify (*Did you say Saturday?*), or the need for additional information (*What time is the party?*).
- Promise (*I'll try to be there but I can't promise you anything*).
- Repetition of the previous remark (*...Monday?, I can't*).
- Expressions of regret or apology (*I'm really sorry; I apologize*).

On top of these ones, there are additions to a refusal that either precede and succeed it:

- Congratulations (*Congratulations on your promotion...*).
- Positive politeness (*I'd love to, but ...*).
- Gratitude (*Thanks for the invitation, but ...*).
- Partial acceptance preceding a refusal (*Yes, I agree, but ...*)

L. Beebe, T. Takashi and R. Ulysses-Weltz developed the best-known taxonomy of refusal strategies based on a cross-cultural study. In their classification, all the strategies break down into semantic formulas and additions. Semantic formulas or strategies are a combination of expressions (words, phrases or sentences) that directly function as a refusal. An addition is an expression that complements a refusal, yet it cannot act as refusal per se. Semantic formulas, in turn,

break up into direct and indirect ones, depending on the way a refusal is realized

The material for our research was collected during questionnaire surveying, the goal of which was to identify the language means of realizing a refusal in various communicative situations in American and Russian cultures. In our study we surveyed 50 Russians and 50 Americans of various gender, age and education categories, which produced 100 questionnaires or 1,400 cases to study. The questionnaire consists of 14 questions, five of which imply refusal to an offer to help, another five are refusals to a request for help and another four are refusals of invitations. Also, we sought to study cultural singularities in the vertical and horizontal distances and for these purposes suggested that our interviewees refused their friend, neighbor, boss, assistant, etc.

While analyzing the questionnaire data, we were paying attention to the following aspects:

- 1) How often respondents use the explicit refusal *no*
- 2) What is the length of the refusal
- 3) What mitigants are used.

The comparative analysis yielded the following results that we classify in two ways:

- with regard to communicative situations (refusal to an offer to help, to a request for help and to an invitation)
- with regard to social factors (vertical and horizontal distance).

With regard to communicative situations we may single out the following similarities and differences:

1) Refusal to an offer to help: the highest level of using explicit refusal on both cultures, but it is much higher in the Russian culture – 87%, 64%, 76%, 58%, 74% of the Russian interviewees used explicit refusal in 5 different situations respectively, as compared to 20%, 4%, 14%, 2%, 16% of Americans; low level of using politeness strategies (were used only by Americans but not Russians); main mitigants: explanation, gratitude and implicit refusal in the Russian and American cultures.

2) Refusal to a request for help: implicit refusal was practically missing in both cultures; reduced level of explicit refusal as compared to a refusal to an offer to help; main mitigants in both cultures: apology, inability to help, explanation and regret (Malyuga & Madinyan, 2021). Americans also used politeness strategies.

3) Refusal of an invitation: the lowest level of explicit refusal as compared to refusal to an offer to help and request for help; Russians demonstrate a range from 16% to 24%, while Americans around 8%. High percentage of using politeness strategies, greetings/congratulations in both cultures, but Americans use such means more frequently. The main mitigants, apart from the strategies mentioned, are inability to come, gratitude and apology.

With regard to a person a refusal is addressed to we may draw the following conclusions:

1) Refusal to a passer-by - in both Russian and American linguocultures the majority of respondents replied with a phrase consisting of two communicative turns. Russians have a much higher percentage of explicit refusal. Politeness strategies in this case were used by Americans only. But when they encountered an elderly stranger, both cultures expressed themselves in the same way by giving proper respect to a senior person.

2) Refusal to a neighbor - in this case, quantitative characteristics are quite similar in both cultures, while the qualitative ones differ. An explicit refusal is once again more distinctly manifested in Russian people. The very phrase structure in the speech of Russians is more formal, whereas Americans employ politeness strategies and multiple mitigants.

3) Refusal to a friend - Russians use quite a large number of explicit refusals, but compared to situations with passers-by or neighbors - they start to use politeness strategies, however few, with the main mitigants being apology, gratitude or explanation. The majority of refusals consist of two turns. For Americans, quantitative data is equal between the second and third communicative turns, while explicit refusals are almost non-existent being replaced by implicit ones.

4) Refusal to a superior - in this situation we may clearly see the manifestation of power distance in the speech of Russian communicants. However, in this case the number of explicit refusals Americans use became higher than that for Russians. Russians, on the contrary, revealed a more frequent use of politeness strategies, which is not as common when they refuse to other types of personalities. That said, Americans with their low level of power distance have the same length of their replies (two and three turns) and use approximately the same number of politeness strategies as they do in other situations.

5) A refusal to a subordinate - in this situation we can once again witness the manifestation of power distance in Russians, with the only exception being that this time, the respondent's status is lower, hence the number of explicit refusals went up again, while that of politeness strategies went down. Americans have a similar situation to the one with their superiors, with the use of politeness strategies having gone down by several percent.

Summing up our conclusions, we can point out that our hypothesis on the influence of such social factors as vertical and horizontal distances have sufficient influence on the ethnocultural style of communication. In Russia we have noticed a high level of power distance as compared to its lower level in the U.S.A. Contrariwise, horizontal distance in the U.S.A. is much longer than in Russia.

Conclusion

At present, there are a number of theories confirming a high significance of the interconnections between language and culture and the impossibility of their separation or individual functioning. However, the majority of foreign language learners put an emphasis on polishing their grammar, pronunciation and vocabulary, while the study of behavioral models, traditions and cultural differences have no less significance in mastering the speech in a foreign language.

In our research we have studied culture typologies, while singling out Hofstede's typology, which we used as a basis to compare the linguocultures of the U.S.A. and Russia. Next, we analyzed how cultural differences influence communicative behavior and proceeded to identify the key ethnocultural styles of communication.

In the course of investigating this subject, we conducted a comparative analysis of 1,400 speech utterances containing refusal (700 American and 700 Russian ones).

While analyzing the questionnaire data we were paying attention to the following aspects:

1. How often respondents use the explicit refusal *no*
2. What the length of refusal is
3. What mitigants are used (based on our working classification).

We have identified similarities and differences in refusal strategies in various cultures, taking into account such social factors as vertical and horizontal distance. We have verified our hypothesis that cultural differences have a significant impact on communicative behavior and

the ethnocultural style of communication on the whole. Since Russia does not have a distinct vertical power distance, refusal to one's superiors was more formal and used more communicative turns and mitigants than, for instance, a refusal to one's neighbor. At the same time, in the U.S.A. we can see a manifestation of horizontal distance, hence there is no substantial difference between a refusal to one's boss or a passer-by. Also noticeable are expressions of individualism and collectivism. In Russia, every person who considers themselves part of the society, rather than a separate individual is less aware of observing *privacy* boundaries, hence a refusal is not perceived as something 'threatening', whereas in the individualistic American culture one should clearly demarcate the boundaries and seek to save the interlocutors 'face' in a refusal situation.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – В. 4. – С. 356 – 367.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества /Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986.
3. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др.. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др.; Под ред. Белошапковой В.А. — 2-е изд., испр. и доп.— М.: Высш. шк.,1989.
4. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: А/О "Издат. группа "Прогресс", 1989.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. – М.: Языки слав. культуры, 2001.
6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. лингво-культурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 50–56.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура)

8. Ларина Т.В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 71–81.
9. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста: Учеб. пос. – М.: Высш. школа, 2006.
10. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. С. 16–21.
11. Малюга Е.Н., Мадиян Е.И. Метафорическая репрезентация событий в американском новостном медиадискурсе // Научный журнал “Современные лингвистические и методико-дидактические исследования”. – 2021. – № 2 (50). – С. 17-28.
12. Стернин И.А., Стернина М.А. Американское коммуникативное поведение / Ред. Стернин И. А., Стернина М.А.. – Воронеж: ВГУМИОН, 2001
13. Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2002. С. 5–13.
14. Hall E.T. The silent language. – Greenwich, CT, 1959.
15. Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Doubleday, 1976.
16. Haslett B. Communication and language acquisition within a cultural context // S. Ting-Toomey, F. Korzeny (eds.) Language, Communication and Culture: Current Directions. – Newbury Park, CA: Sage, 1989.
17. Hofstede G.H. Cultures and Organizations: Software of the mind. – L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.
18. Larina T.V. What do you mean? The Pragmatics of Intercultural Interaction and Communicative Styles. – М., 2010.
19. Nordquist R. Speech act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grammar.about.com/od/rs/g/speechactterm.htm>. (дата обращения 29.11.2020).
20. Parsons T. Baies and Shils. Working Papers in the Theory of Action. –Glencoe: Free Press, 1953.
21. Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts. – Cambridge University Press, 1975. – P. 1 – 23.

References

Arutyunova, N.D. (1981). Faktor adresata [The Factor of the Addressee]. *Izvestiya AS USSR. Literature and Language series*,

40(4), 356 – 367.

- Bakhtin, M.M. (1986). *Estetika sloveskogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow: Iskusstvo.
- Beloshapkova, V.A., Bryzgunova, E.A., & Zemskaya, E.A. et al. (1989). *Sovremenniy russkiy yazik [Contemporary Russian Language]*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Hall, E.T. (1959). *The silent language*. Greenwich, CT,
- Hall, E.T. (1976). *Beyond Culture*. New York: Doubleday.
- Haslett, B. (1989). Communication and language acquisition within a cultural context. In S. Ting-Toomey, F. Korzenny (eds.) *Language, Communication and Culture: Current Directions*. Newbury Park, CA: Sage.
- Hofstede, G.H. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2003). Lingvokulturniy kontsept kak element yazykovogo soznaniya [The Linguocultural Concept as an Element of Language Consciousness]. In *Metodologiya sovremennoy psikholingvistiki [Methodology of Modern Psycholinguistics]: A Collection of articles*, (pp. 50–56). Moscow; Barnaul: Altai University Press,
- Larina, T.V. (2010). What do you mean? The Pragmatics of Intercultural Interaction and Communicative Styles. Moscow.
- Larina, T.V. (2009). *Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnikh traditsiy [The Category of Politeness and Communication Style: Contrasting English and Russian Linguocultural Traditions]*. Moscow: Yaziki slavyanskikh kultur.
- Larina, T.V. (2007). Dominantniye cherti angliyskogo verbalnogo kommunikativnogo povedeniya [The Dominant Features of English Verbal Communicative Behavior]. *Filologicheskiye nauki [Philological sciences]*, 3, 71–81.
- Levitskiy, Yu. A. (2006). *Lingvistika teksta [Text Linguistics]*. Moscow: Vysshaya shkola,
- Leontyev, A.A. (1993). Yazykovoye soznaniye i obraz mira [Language Consciousness and Worldview]. In *Yazik i soznaniye: paradoksal'naya real'nost' [Language and Consciousness: Paradoxical Reality]*, (pp. 16–21). Moscow.
- Malyuga, E.N., & Madinyan, E.I. (2021). Metaphorical representation

- of events in American news mediadiscourse. *Scientific journal Modern linguistic and methodical and didactic research*, 2(50), 17-28.
- Nordquist, R. (2012). Speech act. Retrieved from: <http://grammar.about.com/od/rs/g/speechactterm.htm>. (accessed 29.11.2020).
- Parsons, T. (1953). *Baies and Shils. Working Papers in the Theory of Action*. Glencoe: Free Press,
- Searle, J. R. (1975). *A Classification of Illocutionary Acts*, (pp. 1 – 23). Cambridge University Press.
- Sternin, I.A., & Sternina, M.A. (2002). Amerikanskoye kommunikativnoye povedeniye [American Communicative Behavior]. In *Russkoye i finskoye kommunikativnoye nasledie [Russian and Finnish Communicative Legacy]*, (pp. 5–13). Vol. 3. Voronezh: Istoki.
- Van Dijk, T.A. (1989). *Yazik. Poznanie. Kommunikatsiya. [Language. Cognition. Communication]*. Publisher: A/O Progress Publishing Group.
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Sopostavleniye kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. [Contrasting the Cultures Through Lexis and Pragmatics]*. Moscow: Yaziki slavyanskoy kulturi.

УДК 811.133/4.1/2

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.03>

Н. Ю. Нелюбова

Е. Д. Калининкова

Л. А. Говорова

Российский университет дружбы народов

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

На сегодняшний день можно без преувеличения сказать, что медиа- и веб-пространство стали важнейшей частью жизни современного общества и каждого отдельно взятого человека, оказали серьезное влияние на формирование нового, особого

лексикона носителей языков двадцать первого века.

За последние десятилетия в состоянии большинства языков произошли значительные изменения, особенно ярко их проявление заметно в сфере бытового общения. И если ранее на рабочем месте использовался нормативный литературный язык, а после работы – разговорный, то относительно недавнее появление так называемых «рабочих чатов» привнесло сумбурность в стиль, средства и способы коммуникации в социальных сетях. Так, имеет место сдвиг в наборе коммуникативных ситуаций, смешение регистров общения. Говоря о том, что в современной разговорно-бытовой речи помимо прочего произошли преобразования в реализации социально-дистантных формул общения, заметно выросла частотность употребления стилистически сниженных речевых формул, возросло использование эллиптических конструкций, мы приходим к тому, что язык и речь, используемые в интернете, в частности, во французском и испанском языках, в основе своей, базируются именно на разговорном и неформальном стилях общения. Следовательно, процессы, характеризующие современный интернет-дискурс логически обусловлены. Перечисленные факторы также оказали влияние на формирование особой лексической подсистемы интернет-дискурса, которая характеризуется не только оригинальностью, разнообразием применяемых средств и отклонением от литературной нормы как таковой, но и отклонением от нормы разговорного общения в числе прочего.

Ключевые слова: интернет-дискурс, социальные сети, хэштег-метки, глобализация, французский язык, испанский язык, национальный вариант

UDC 811.133/4.1/2

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.03>

N.Yu. Nelyubova

E. D. Kalinnikova

L. A. Govorova

RUDN University

THE FEATURES OF FUNCTIONING OF THE MODERN LANGUAGE IN THE INTERNET SPACE (BASED ON THE MATERIAL OF FRENCH AND SPANISH LANGUAGES)

Today, it is no exaggeration to say that the media space and web space have become an important part of the life of modern society and of every single person. They also have had a serious impact on the formation of a new, special vocabulary of different native speakers of the twenty-first century.

Over the past decades, significant changes have taken place in the state of most languages, especially we can notice their manifestation in everyday communication. While before people in the workplace would use a literary language and after work they would speak informally, the relatively recent appearance of so-called work chats has brought confusion to the style and means of interaction in social networks. So, there is a shift in the set of communicative situations and a mixture of the registers of communication. Speaking about the fact that in modern colloquial speech there exist transformations in socially distant communication formulas, and that the frequency of using stylistically low vocabulary has noticeably increased as well as the use of elliptical constructions, we come to the conclusion that the Internet speech and the language used on the Internet, in particular in French and Spanish, in the essence are based on conversational and informal communication styles. Consequently, the processes characterizing the modern Internet discourse are logically conditioned. These factors also influenced the formation of a special lexical subsystem of Internet discourse, which is characterized not only by originality, a variety of means and deviation from the literary norm, but also by deviation from the norm of conversational communication.

Key words: Internet discourse, social networks, hashtag tags, globalization, French, Spanish, national variant

Введение

Тот факт, что молодежный лексикон принадлежит к группе слов, которая склонна постоянно подвергаться изменениям в каждом следующем поколении, не подлежит сомнению. Тем не менее, отмечается, что прежде существовали и проявлялись исключительно локальные тенденции его использования,

поскольку эта группа слов не имела возможности получить широкого географического распространения (Lola Pons, 2020).

Актуальность данной работы обусловлена активным развитием тенденций к цифровизации языка, проявляющимся в процессе виртуальной коммуникации на различных сетевых площадках. Целью статьи становится выявление и описание особенностей функционирования современного языка в интернет-пространстве с привлечением материалов французского и испанского дискурса социальных сетей. Основными задачами данной работы становится: описание и систематизация стратегий коммуникации пользователей в социальных сетях; описание особенностей функционирования языка и его конститутивных свойств. Проведение подобного исследования поможет нам установить собственно-лингвистические категории репрезентации текста и особенности его функционирования в языке, а также выделить ряд психолингвистических особенностей реализации ценностного потенциала рассматриваемых лингвокультур. В качестве методов исследования нами использовались метод сравнительного анализа, метод дискурс- и контент-анализа, метод лингвокультурологического и лингвосемантического анализа.

Постановка проблемы

Современная эпоха характеризуется распространением медиаресурсов в глобальном масштабе с помощью новых технологий. Ведущую роль в данных процессах играют социальные сети, которые выполняют функцию всеобщего коммуникативного пространства, объединяя в едином виртуальном пространстве пользователей вне зависимости от их географической дислокации, временных поясов и ритмов, языков, культур, и обладающих минимальным доступом к сетевым технологиям (Gyugax, 2018). Виртуальная сетевая коммуникация активно развивается и функционирует, приобретая собственные характерные черты, такие как: глобальность, тенденция к интернационализации, независимость от времени и устойчивость, предметно-тематическая локализация, массовость коммуникации, возможность синхронной коммуникации множества пользователей в один момент времени, мультиканальность, поликодовость дискурса и пр. (Vem, 2016). Существующая в настоящем времени синергия медиа- и виртуальных технологий позволяет создавать

новые типы и способы глобальной коммуникации и привлекать внимание массового пользователя к различным тематическим сообщениям (Farfán Holzscheiter, 2015).

Вместе с тем, результаты любого явления языковой глобализации проявляются в большей лексической унификации, а также в большем воздействии определенных диалектов, национальных вариантов отдельных языков, которым, если бы не информационно-коммуникационные технологии, мы бы не подвергались (Lola Pons, 2020).

Обозначенная выше тенденция связана, в первую очередь, с вопросами всеобщей глобализации и возникающими вследствие неё остросоциальными проблемами, имеющими статус локальных или общемировых (Kersten-Pejanić, 2018). В связи с этим новые площадки для виртуальной коммуникации становятся объектом пристального внимания со стороны социологов, культурологов, антропологов, а также более узких специалистов, среди которых лингвисты и филологи. Использование алгоритмов социальных сетей и веб-платформ для коммуникации позволяет находить, хранить и обрабатывать большие объёмы разнонаправленной информации без специализированного оборудования, не вступая в прямые контакты с речепроизводителем. Для извлечения данной информации, исследователю достаточно обладать навыками тематического поиска информации в сетевых ресурсах, и объемом знаний в соответствующей предметной области: языковой и теоретической. Непрерывная коммуникация пользователей сетевых ресурсов, социальных сетей и прочих площадок для виртуальной коммуникации предоставляет доступ к бесчисленному множеству образцов спонтанной речи, дискурсов, моно- и поликодовых текстов различного объёма и тематического содержания с широким демо- и географическим потенциалом исследования. Помимо этого, цифровой формат общения значительно упрощает саму процедуру исследования, позволяя выгружать исследуемые тексты напрямую в аналитические программные обеспечения (Shkineva, Kalinnikova & Borisova 2020).

Стремительная цифровизация, виртуализация и технологизация всех областей человеческой жизни актуализирует социальный запрос на возникновение нового типа языковой коммуникации в

виртуальном пространстве. Оказываясь в новой ситуации развития и функционирования, язык подвергается специфическим изменениям, адаптируясь к новым условиям, в т.ч. к воздействию со стороны среды, субъектов коммуникации, технических средств обеспечения и пр. Таким изменениям подвергается не только сам язык, но и его функции, приобретающие новые черты в формате веб-коммуникации. Однако можно отметить, что не только сетевое пространство меняет язык, подстраивая языковые интеракции под собственные нормы, но и само веб-пространство изменяется под влиянием пользователей, осуществляющих языковую коммуникацию на различных уровнях функционирования высоких технологий: начиная с постов пользователей, и заканчивая созданием кода, необходимого для функционирования виртуальных платформ.

Особенности функционирования современного французского языка в интернет-пространстве

Одной из характерных черт современного дискурса социальных сетей становится схождение конститутивных признаков устной и письменной речи в порождаемом тексте. На это указывают Н.Г. Асмус, М.Ф. Масгутова, О.Л. Заболотнева, выделяя различные жанры сетевой коммуникации и рассматривая их в сопоставительном аспекте. Опираясь на его работы, можно говорить о том, что подобная тенденция также характерна и для современного франкоязычного сетевого дискурса. Среди выделенных автором тенденций можно отметить: высокая эмотивная насыщенность, интонатика устной речи (наличие интонационных ударений, оформляемых графически), графическое оформление текста с помощью символов текстовой разметки и иконических символов-эмодзи, спонтанность языковой (речевой и текстовой) коммуникации, всеобщая доступность материалов сообщений, употребление графического, лексического и стилистического материала для оформления текста сообщений (Asmus, Masgutova & Zabolotneva, 2020).

Так, Л.М. Букина, изучая особенности сетевого франкоязычного интернет-дискурса, выделяет среди прочих также следующие признаки сетевой коммуникации: снижение официоза, направленность сообщения не конкретному лицу, а ко всем

(любому) пользователям, а также свободной стилистическое оформление текста (Букина, 2018).

Л.В. Мерзлякова определяет дискурс социальных сетей как «письменный разговорный язык», говоря о диффузии конститутивных признаков устной речи и письменной коммуникации. Здесь можно отметить перенос таких черт устной речи как эмоциональность, спонтанность, частичная несвязность компонентов, свободное стилистическое оформление, использование неполных и незаконченных грамматических конструкций на текст (Мерзлякова, 2010).

Г.М. Костюшкина и И.В. Горбунова отмечают, что одной из наиболее заметных тенденций функционирования современного французского языка является «смягчение» языковой нормы, достаточно регламентированной для «живого» французского языка, в отношении ряда аспектов, таких как орфографический, лексический, грамматический и стилистический. Опираясь на это, авторы говорят о «примитивизации» языка дискурса социальных сетей (Костюшкина, 2002).

Ряд исследователей также справедливо отмечает, что одной из основных черт дискурса социальных сетей является включение гипертекста в различных его формах в текст сообщения, существующего в интернет-сети (Костюшкина, 2002, Букина, 2018, Asmus, 2020, Gribach, Sibul & Kolosovskaya, 2019). Гипертекст существует в коммуникативных сообщениях в виде гиперссылок на сторонние источники, хэштег-меток, образуемых с помощью присоединения к лексической единице (одной или нескольким лексемам) индексального знака гипертекстовой разметки #, геометок различного формата, полнотекстовых ссылок на иные информационные источники и ресурсы, ссылок, включённых в графические и видеоизображения (гиф, видео, картинки и пр.), ссылки на иных пользователей той же социальной сети с помощью индексального знака @, ассоциированных цитат с использованием индексального знака `copyright`. Для современного дискурса социальных сетей не имеет значения тип реализуемого сообщения: оно может быть реализовано в речевом формате – аудио или видеосообщение, или в текстовом – собственно текстовое сообщение. Текст меток может быть прописан в виде малоформатного гипертекстового комментария под сообщением

(для аудио или аудиовизуального ряда), озвучен автором или сгенерирован с помощью системы субтитров – автоматически или авторским текстом (Анисимов, 2020а). Интересным способом онлайн коммуникации является малоформатный гипертекстовый комментарий, реализуемый в виде вынесенной за пределы сообщения гипертекстовой разметки, который играет роль ключевого обозначения (по принципу key-words) основного семантического содержания сообщения (Анисимов, 2020б).

Мы рассматриваем малоформатный гипертекстовый комментарий как *форму реализации текста в интернет-дискурсе, выражающийся в вынесении ключевых слов авторского сообщения в отдельный текст, размеченный с помощью индексальных гипертекстовых символов.*

Пример 1. Малоформатный гипертекстовый комментарий как форма реализации текста в интернет-дискурсе

Пример 1 демонстрирует форму реализации малоформатного гипертекстового комментария, который представляет собой совокупность отдельных лексических единиц, не объединённых синтаксически, выделенных с помощью знака # гипертекстовой разметки текста. Специфической чертой малоформатного гипертекстового комментария можно считать объединение нескольких лексем в одну неделимую лексическую единицу без

использования знака пробела. Подобное преобразование продиктовано спецификой технической индексации и отметки в социальной сети и в общем в сети интернет (*#LaRacailleTue*, *#StopAuxTraore* и т.д.). хэштег-метки функционируют в социальных сетях в качестве единой семантической единицы, и использование отдельных её составляющих вне общей метки ведёт к созданию нового лексико-семантического знака. Для обозначения разделения лексем внутри хэштег-метки может использоваться прописные буквы, как это отмечено в примере 1.

Также гипертекстовые включения могут содержать иные прикреплённые к сообщению файлы, как мы также можем видеть на примере 1, или содержать прямые ссылки на иные источники. Наиболее современным способом включения прямых ссылок является их реформатирование в графическое изображение, содержащее в себе текст заголовка ссылки и иллюстрацию. При этом само графическое изображение представляет собой ссылку и при нажатии на неё активирует переход на цитируемую страницу. Текст в таком виде ссылки также представлен в виде изображения, т.е. картинки, и не может быть самостоятельно скопирован.

Проявление эмотивности в современном франкоязычном дискурсе социальных сетей может осуществляться с помощью использования графических и иконических элементов. К первым мы относим картинки, гиф-изображения, видеоролики и пр., а ко вторым – смайлы, эмодзи, стикеры и т.д. смайлы и эмодзи представляют собой идеографическое изображение, визуально подражающее человеческому лицу и его выражениям эмоциональных и бытовых состояний, или объекту материального мира (предмету, животному, элементу действия). Рассмотрим пример 2. На данном примере мы можем увидеть способы передачи эмотивной функции текста с помощью использования эмодзи. Эмотивность в тексте также может выражаться с помощью использования специальной лексики или специальных форм лексики, которые могут быть отражены орфографически или лексически, в форме сленговой или уменьшительно-ласкательной формах.

Помимо этого, существует текстовое подражание устной речи, которое подразумевает интонационное выделение гласных звуков, например: *elle adOOOOOre presque tout ce qu'on mange; ooookkkk* и

пр. Также характерным для франкоязычного интернет-дискурса средством выражения эмотивности является использование текстовых сокращений (*svp – s'il vous plaît, j'y go – je dois partir, koi 2 9 – quoi de neuf*), при этом для франкоязычного интернет-дискурса характерно несколько способов формирования текстовых сокращений: составление аббревиатуры из первых букв использованных слов, использование англицизмов, использование фонологического письма и звукоподражательного письма (например, использование цифр, похожих по звучанию на определённые слова *2 (deux) – de*), и т.д.

Также в современном языке имеют место грамматические средства выражения эмотивности текста, среди которых наиболее частотны использование неполных и незаконченных грамматических конструкций, употребляемых вместе с соответствующими знаками текстовой разметки: восклицательными и вопросительными знаками, многоточием, точкой и пр.

Ещё одной тенденцией современных франкоязычных текстов социальных сетей становится ненормированное и вольное использование знаков препинания и знаков текстовой разметки, а также их частотное игнорирование пользователями. В диалогической переписке пользователей, а также в формате комментариев или постов, мы можем отметить отсутствие знаков текстовой разметки: двоеточий, тире, дефисов, запятых и пр. С одной стороны, для объяснения данной тенденции применима теория примитивизации сетевого языка Г.М. Костюшкиной, И.В. Горбуновой, а с другой – возможной низкой грамотностью авторов сообщений в социальных сетях, что связано с отсутствием иных цензов, кроме технических (возможности выйти в сеть интернет и загрузить платформу, приложение для использования социальной сети). Во многих современных социальных сетях пользователям автоматически не подключается система автоматической коррекции и проверки правописания, что, с одной стороны, порождает коммуникативно-незначимые ошибки в орфографии и синтаксисе, а с другой – позволяет создать комфортную среду общения, поощрить тенденцию к словотворчеству и креативному мышлению (Kozlovskaya, Rastyagaev & Slozhenikina, 2020).

Philippe Dormoy 🇫🇷 #AIF ... · 19 янв. ✓
Magnifique #intégration mais il n'est pas encore tout à fait prêt pour l'#assimilation ... 😂

Un #migrant #mineur isolé #interpellé à #Limoges pour #cambriolage : il « ne s'exprime pas en #français en dehors de l'#injure "N**** ta mère" »

Un migrant mineur isolé interpellé à Limoges pour cambriolage : il « ne s'...
fdesouche.com

8 30 30

Пример 2.

ИТ: *Manifique #integration mais il n`est pas encore tout a fait prêt pour l'#assimilation...* [графическое изображение - эмодзи]

*Un #migrant #mineur isolé #interpellé à #Limoges pour #cambriolage : il «ne s`exprime pas en #français en dehors de l'#injure "N**** ta mere"»*

ПТ: *Прекрасная #интеграция, но он еще не совсем готов к #ассимиляции... (иконическое изображение, выражающее смех) Несовершеннолетний мигрант, задержанный в #Лиможе за #кражу со взломом: он «не говорит #по-французски, кроме #ругательства: «(Скрыто цензурой) вашу мать» - (Здесь и далее перевод наш – Е.К.)*

Так, пример 2 ярко иллюстрирует заявленные исследователями свойства современного французского интернет-дискурса:

диалогичность, направленность ко всему коммуникативному сообществу, эмотивность и эмоциональность, свободное стилистическое и синтаксическое оформление, включение гипертекста с помощью использования хэштег-меток и графических ссылок (в изображении) на сторонний источник, поликодовость, полимодальность, повторяемость, связность с другими текстами, наличие инвективной и обценной лексики (зацензурено автором сообщения), использование прецедентных текстов (отсылка к освещаемой в прессе ситуации), использование неполных и незаконченных грамматических конструкций, использование эмодзи-знаков для выражения эмоционального отношения к тексту сообщения, а также использование специфической жанрово-стилистической формы репрезентации текста с элементами сарказма. При этом текст содержит цитату, оформленную в прямую речь, и ссылку на новостной источник, что должно послужить средством верификации публикуемой информации (т.н. пруфы – доказательства) и сделать текст более достоверным для читающих пользователей.

Особенности функционирования современного испанского языка в интернет-пространстве

Многие тенденции, которые мы отметили относительно функционирования современного языка в интернет-пространстве, наблюдаются также и среди носителей различных национальных вариантов испанского языка. Среди прочих обнаруживаем:

- Незначительные нарушения грамматики и практически полное пренебрежение диакритическими знаками.

Общеизвестно, что в испанском языке косвенная речь образуется по грамматическим правилам, согласно которым придаточное предложение вводится союзом *que*, однако в интернет-общении в абсолютном большинстве случаев этот союз опускается, поскольку смысл высказывания остается неизменным.

- *Y no es para tanto, pero no esperaba que me dijera no;*
- *El me dice yes;*
- *Ya no me pides perdon, dices no;*

- Разного рода сокращения слов и аббревиации.

Например, для вопросительного слова *¿por qué?* еще во времена появления первых *servicios de mensajes cortos* были

придуманы различные вариации сокращенного написания: *x*, *xq*, *xke*, *xque*, *por* и некоторые другие.

Слово *corazón*, которое помимо основного лексико-семантического значения также употребляется в качестве ласкового обращения друг к другу носителями испанского языка, в интернет дискурсе обнаруживается в модифицированном виде, состоящем из четырех первых букв “*cora*” (относится как к слову в прямом значении, так и в форме обращения).

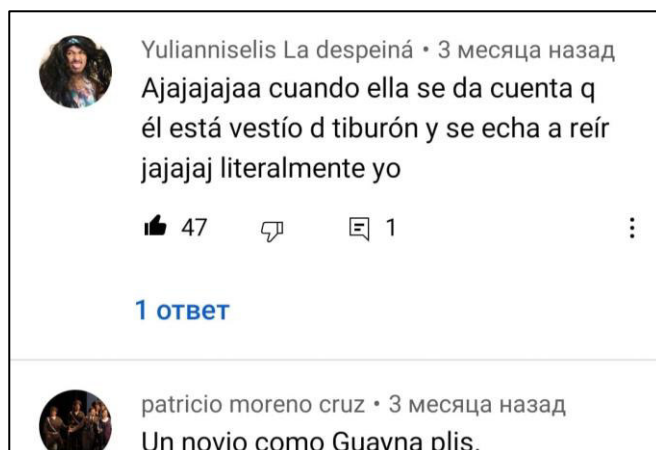
- Ya sabes cora, cuando necesitas...
- Cora, escúchame porfa...

Это сокращение, возникшее в интернет-переписке стало настолько популярным у современной молодежи, что оно было перенесено в разговорно-бытовой дискурс на постоянной основе, что подтверждается появлением различных музыкальных композиций, в составе которых обнаруживается эта аббревиация: “De Cora”, “Me duele el cora”, “Del cora pal cora”. В последнем примере также обращает на себя внимание одно из известнейших сокращений, закрепившихся в дискурсе носителей испанского языка, предлог *pa* (*para*), который используется для выражения цели, возможности или назначения. В то же время, его закрепление в речи связано с тем, что в разговорной речи этот предлог практически всегда произносится с редуцированием конечных звуков (ср. вариант русского написания *сейчас* в интернет-дискурсе *щас*).

Среди других общеизвестных аббревиатур отметим *q*, *k* (*que*); *d* (*de*); *bn* (*bien, buenas noches*); *ta* (*está*); *na* (*nada*); *tb*, *tbn* (*también*); *tp* (*tampoco*); *to2* (*todos*); *xo* (*pero*); *xa* (*para*); *d nd* (*de nada*); *amg* (*amigo/a*), *nls*, *nse* (*no lo sé*); *sbs* (*sabes*); *d+* (*demás*); *dnd* (*donde*); *esk* (*es que*); *fvr* (*favor*); *tvf* (*te veo luego*), *tlj* (*te lo juro*); *ted* (*te echo de menos*); *qrs* (*quieres*); *tqm* (*te quiero mucho*); *msj* (*mensaje*), *mñ* (*mañana*), *wno*, *weno* (*bueno*); *wapo* (*guapo*); *xas*, *chas* (*muchas*); *xfá* (*por favor, porfa*); *salu2* (*saludos*); *tngo* (*tengo*) и другие (Carlos Prego, 2021).

- Q yo no tngo Instagram ni na...
- No imprta q este escrito...

В данном примере (пример 3) представлены два идущие подряд комментария, один из которых содержит два сокращения (*q*, *d*), а второй – адаптированный англицизм “*plis*”:

Пример 3.

Среди любопытных примеров интернет-сокращений в отдельных национальных вариантах испанского языка, рассмотрим лексему *verdad*, самая распространенная сокращенная форма которой в интернет-пространстве выглядит как “la vrd”, но также часто встречается и вариант “en vdd”. В свою очередь, наше внимание также привлекло встретившееся сокращение “eda”, которое вне контекста может ввести в замешательство неносителя испанского языка, поскольку сокращения такого рода, представляющие собой ликвидацию первых букв лексемы встречаются не часто. Единственная возможная аналогия может быть проведена с формой повелительного наклонения второго лица глагола *mirar* (*mira*), которую носители мексиканского национального варианта испанского языка довольно давно начали сокращать, просто убирая согласную букву в начале. В какой-то степени здесь можно проследить проявления национальной культуры, поскольку многие носители других национальных вариантов испанского языка также осведомлены о существовании различий между лексическими единицами и их употреблением. Так, например, на одном из форумов обнаруживаем подтверждение сказанному: “Los mexicanos suelen decir *ira quitando la m.*” Вместе с тем, интересно отметить, что в

современном лексиконе носителей пуэрто-риканского национального варианта испанского языка эта лексема никогда таким образом не сокращается, но при этом видоизменилась до “*mera*”.

В контексте аббревиатур, акронимов и сокращений, равным образом необходимо упомянуть особую частотность и популярность заимствований из английского языка, посредством которого лексические фонды современных языков пополняются новыми единицами, в том числе и сокращениями:

Интересно отметить насколько быстро самые популярные аббревиации, принятые в интернет-переписке пользователей сети на английском языке, при помощи социальных сетей распространились по всему миру. Так, такого рода сокращения как *lol*, *wow*, *omg*, *ily* и другие теперь можно встретить не только в языках, использующих латиницу, но и в таких языках как русский, арабский, корейский и других (Luján-García, 2017). Равным образом они были заимствованы и в испанский язык:

- ¡Lol regálame anillo también a mi!
- PLY, en serio te amo...
- Omg solo dios sabe lo tan feliz que estoy por los chicos...
- Wow, no lo puedo creer.
- ¡Omg me voy a morir!

Несмотря на тот факт, что расшифровка этих иноязычных аббревиатур на испанский язык не имеет смысла, иногда встречаются вариации передачи этих сокращений, напоминающие попытку подстроить написание английской лексической единицы под правила произношения испанского языка, например, среди пользователей сети встречается написание *omaiga*. Отметим, что в разговорной речи носителей испанского языка такие условные сокращения обычно не используются и не произносятся. Любопытно, что полные формы и их расшифровки этих аббревиатур и акронимов из медиапространства, заимствованных из английского языка, также практически не встречаются (Carlos Prego, 2021).

- Использование англицизмов.

Согласно нашим наблюдениям, современное испаноязычное интернет-пространство просто изобилует заимствованиями из английского языка в различных сферах общения:

- Pero siete personas me mandaron el mismo *link*.
- No le gustaba hablar del *bullying* que le hacía su novia.
- Creo que en la industria deberían haber más *featuring* entre mujeres para seguirnos posicionando en los *charts*.
- Nuestro *styling* con ropa de papás.
- Hace poco hablamos sobre el *ghosting* y me contásteis un montón de experiencias.
- Descarga la *playlist* y *tag me*.
- ...versión *chill* para recordarles que mañana voy a cantar...
- No quiero estar ni *fat* ni *fit*, quiero tener balance en mi vida.
- Me dan esos *boosts* de confianza.

В стремлении современного общества к экономии речевых усилий и языковых средств использование заимствованных лексических единиц (чаще всего из английского языка) облегчает задачу и служит подспорьем. Зачастую англицизмы позволяют выразить мысль короче, расширить синонимический ряд слов родного языка с их помощью, а также избежать повторов одних и тех же слов (Luján-García, 2017). Становится очевидным тот факт, что интернет-площадки для общения являются важным источником информации, который в значительной степени ускоряет распространение лексических заимствований из английского языка в других языках.

Однако если интернет-сокращения и аббревиация - это то, к чему все уже привыкли, то тенденции последних годов можно назвать несколько пугающими, поскольку на замену словам пришли универсальный язык идеограмм и эмодзи-знаков, призванный передавать эмоции и настроения.

Серхио Маруенда, филолог из Университета Валенсии, отмечает, что процессы глобализации непосредственно влияют на состояние современного языка, и подчеркивает тот факт, что «происходящая гомогенизация языков не лишена нюансов и разнообразия, так как, несмотря на то, что использование смайликов распространено по всему миру, один и тот же символ может иметь разные значения в Мадриде, в Токио или Сингапуре». Также лингвист говорит о существовании тезисов о «культурном факторе» смайликов, ввиду того, что они «имеют разную ценность в зависимости от культуры, в которой они используются». По его мнению, гомогенизация будет более ярко

проявляться среди говорящих со «схожим культурным контекстом и другими точками соприкосновения». Равным образом, Серхио Маруенда подчеркивает, что «заимствования, смайлы, гифки, аббревиатуры, знаки препинания, хэштеги, облегчают взаимодействие между говорящими...» (Carlos Prego, 2021).

В общей сложности, можно говорить о том, что у таких распространенных на настоящий момент Интернет-символов есть как явные преимущества, так и недостатки. Современная тенденция, представляющая собой массовую замену базовых лексических единиц набором картинок или всевозможными форматами новейших графических изображений, использование графического символа сложения или эмодзи, выражающего одобрение, вместо любых слов, по большому счету может характеризоваться как тревожная. И если с одной стороны, использование эмодзи-знаков это - прекрасная возможность в очередной раз сэкономить силы, время и единицы языка, то посмотрев на эту проблему под другим углом, может оказаться, что время на раздумывание над ответом также перестает затрачиваться. В некоторых случаях может даже казаться, что вы облегчаете жизнь собеседника, вместе с тем, экономите собственное время, прислав несколько улыбающихся символов в ответ, тем не менее, всегда стоит помнить о том, что ваша собственная перцепция и оценка может категорически отличаться от той, которая присуща вашему оппоненту.

Цели, которые могут преследовать носители испанского языка, прибегая к различным вышеупомянутым средствам интеракции в медиaprостранстве могут варьироваться в рамках каждой конкретной ситуации, при этом, мы можем выделить ключевые из них. Самыми явными будут являться *суждение* или *оценка* в свободной форме и отдельном поле для ввода, подразумевающая комментарий пользователя по поводу какой-либо произошедшей ситуации, события; *взаимодействие*, представляющая собой сообщение о повседневной, бытовой ситуации, реакцию в ответ кому-то; и *эмоциональная*, являющаяся обсуждением какой-либо информации, вызывающей эмоциональный отклик у пользователя сети. Вместе с тем, для всех этих целей служит целый спектр современных средств и технологий, которые облегчают и ускоряют взаимодействие в сети (Malyuga & Orlova, 2016).

Помимо перечисленных нами локальных целей, безусловно, использование языка в интернет-дискурсе может быть сопряжено с недостаточным уровнем владения родным языком.

Так, все примеры из представленных нами речевых образцов являются результатом процесса непосредственной речевой деятельности носителей различных национальных вариантов испанского языка в социальных сетях. Можно бесконечно долго спорить о том, насколько изменилось представление о языковой норме в современном мире, а также о том, какой стиль общения все-таки представляется уместным в контексте интернет-дискурса за последние десятилетия, однако тот факт, что в современной веб-коммуникации на постоянной основе встречаются нововведения, значительные отклонения, а в некоторых случаях и намеренные нарушения этих норм бесспорен. Очевидно одно - язык и речь в условиях цифровизации информационного общества и медиапространства подвергаются модификации каждый день.

В целом, общеизвестно, что именно появление Интернета и последующее глобальное распространение медиаресурсов, в частности, социальных сетей, шаг за шагом оказывало все более возрастающее влияние на весь мир и, в конечном счете, позволило без труда сложиться нынешнему облику современного человека, вне зависимости от того, носителем какого языка он является и в какой стране проживает, учитывая поведенческие стратегии, в какой-то степени уже ставшие законами, принятыми основной частью коллектива: мгновенная коммуникация и взаимодействие в любое время дня и ночи, невероятно быстрый темп жизни, задействование режима многозадачности, нехватка времени и постоянная смена циклов, среди прочих стали во главе потребностей современного постмодернистского информационного общества.

Выводы и результаты исследования

Стремительный технологический и технический процесс, а также активное вступление человечества в эру информатизации влечёт за собой изменение жизненных и социальных сфер взаимодействия. На стыке этих социальных тенденций появляется феномен массовой сетевой коммуникации, т.е. коммуникации в виртуальной интернет-среде (Suleimanova, 2020). Веб-пространство, изначально выступавшее в роли хранилища данных,

а также выполнявшие аналитические функции, постепенно превратилось в глобальную площадку для различного рода взаимодействий, делая своими основными ролями коммуникативную и интерактивную. На данный момент можно говорить о том, что каждую минуту времени в сети интернет на различных площадках социальных сетей и специализированных блог-платформах пользователи публикуют новые сообщения, посты, комментарии, создают новый контент в виде цифровых изображений, аудиовизуальных рядов и аудиозаписей, создавая виртуальную ноосферу и наполняя её новой информацией (Radyuk, Ivanova, Vadmatsyrenova & Makukha, 2019). Данный процесс имеет место в современной феноменологии и представляет собой интернет-коммуникацию. Интернет-коммуникация имеет собственные, не похожие на другие виды коммуникации конститутивные признаки, среди которых: игнорирование границ времени и пространства, смешение языковых, лингвокультурных и этических норм коммуникации, что создаёт максимально открытое во всех смыслах пространство для взаимодействия и коммуникации. Каждый пользователь сети интернет может общаться со всеми и ни с кем – создавая сообщения на закрытых профилях или выставляя их на всеобщее обозрение, обращаясь к конкретному (известному или неизвестному ему) лицу, или обращаясь ко всем пользователям одновременно. В связи с открытостью системы коммуникации любой пользователь может оставлять комментарии под постами другого пользователя или под своими собственными, а также волен включиться в коммуникацию или выйти из неё в любой момент времени. Технологический процесс также не остаётся в стороне и, следуя социальному запросу, помогает ещё больше размывать границы: создаются модули автоматического перевода постов и сообщений, веб-страниц с одного языка на другой, подключаются голосовые и автоматические ассистенты, модули контекстной рекламы, которые позволяют пользователям получать ещё больше предположительно актуальной для них информации. От момента создания сообщения до его публикации могут проходить секунды реального времени, а другие пользователи могут мгновенно получать к нему доступ. При этом все тексты в сети интернет «сохраняются» в виде графического отображения

текста, и «заброшенные» ветки сообщений могут оживать, когда на них наталкиваются новые пользователи и возобновляется процесс коммуникации.

Технологии, обеспечивающие возможность веб-коммуникации, постоянно совершенствуются и усложняются: уже сейчас человеку доступны мгновенные онлайн и синхронные переводы с большинства наиболее распространённых языков мира, мгновенная отправка текстов (сообщений, комментариев, постов, реакций и пр.), использование мультимедийной связи (от текстовых сообщений, до аудио- и аудиовизуальных, графических объектов). Постоянно увеличивается поток коммуникации, происходящей в онлайн-формате, что также стало возможным благодаря новейшим технологиям.

Сетевая коммуникация стала настолько разнообразной, что появилась потребность её выделения в отдельный вид дискурса – интернет-дискурс, и сужения до предметных областей – блог-дискурс, дискурс социальных сетей и пр. Под интернет-дискурсом мы понимаем совокупность текстов, созданных и/или распространяемых посредством сети интернет и/или с привлечением специализированных приложений для интернет-коммуникации (социальные сети, мессенджеры, чаты, электронные ящики), содержащие в себе элементы гипертекста, поликодовые и полимодальные по своей природе, выводя данное определение исходя из анализа представленных в рамках дискурс-анализа работ. Интернет-дискурс обладает собственными конститутивными признаками, которые Е.Н. Галичкина определяет следующим образом: поликодовость, полимодальность, гипертекстовый характер сообщений, эмотивность, равноправие пользователей, виртуальность, дистантность и опосредованность.

В рамках специфической среды реализации, язык также приобретает новые характеристики и особенности функционирования. Многие из них являются общими для множества языков, но обладают специфическими формами. Так, в данном исследовании мы рассматривали особенности функционирования современного французского языка в веб-пространстве в рамках интернет-дискурса. Среди них мы смогли выделить и описать следующие: диалогичность – характер

сообщения подразумевает нацеленность автора на коммуникацию с другими пользователями, направленность ко всему коммуникативному сообществу, а не к конкретному лицу, эмотивность и эмоциональность, которая может проявляться в лексических, графических и экстралингвистических формах, свободное стилистическое и синтаксическое оформление, включение гипертекста с помощью использования хэштег-меток и графических ссылок (в изображении) на сторонний источник, поликодовость, полимодальность, повторяемость как возможность возобновления текста, связность с другими текстами, наличие инвективной и обценной лексики, использование прецедентных текстов, феноменов, имён и дат, использование неполных и незаконченных грамматических конструкций, использование эмодзи-знаков для выражения эмоционального отношения к тексту сообщения, а также использование специфической жанрово-стилистической формы репрезентации текста. При этом текст, распространяемый в современном веб-пространстве, может содержать в себе средства верификации публикуемой информации (т.н. пруфы – доказательства), что обусловлено пресыщенностью сети интернет недобросовестной информацией и желанием автора подчеркнуть правдивость и актуальность публикуемого им текста.

Относительно особенностей функционирования современного испанского языка в медиапространстве, мы хотим отметить, что в процессе непрекращающегося внеинституционального общения в глобальной сети, или в так называемой опосредованной коммуникации, сфера и рамки которой наделяют пользователей относительной свободой самовыражения, у носителей различных национальных вариантов испанского языка формируется и проявляется самоидентификация и национальная идентичность (Малюга, 2019). Постепенно набирающая обороты гомогенизация языков обнаруживается преимущественно на лексическом и грамматическом уровнях языка и находит выражение в их психических процессах моделирования закономерностей окружающего мира, установления связей между явлениями окружающего мира в плане образования новых форм и употребления в процессе интеракции носителей испанского языка из разных стран в Интернете в контексте веб-платформ. В отдельных случаях также отмечается своеобразие и уникальность

определённых элементов и новых составляющих интернет-дискурса.

Кроме того, подробный анализ современного испаноязычного медиапространства, позволил нам прийти к выводу о том, что процесс образования новых слов, в частности глаголов, корни которых заимствуются из английского языка, происходит очень активно. Количественный и качественный анализ сетевых неологизмов свидетельствуют о том, что глаголы первого спряжения в современной интернет-коммуникации на испанском языке превалируют над другими. Это позволяет нам выделить их в группу новых глаголов, связанных с активностью в веб-пространстве в целом, и отдельных социальных сетях в частности: *likear* (like), *postear* (post), *twitrear* (twitt), *chatear* (chat), *googlear* (google), *trolear* (troll), *spamear* (spam), *logear* (log), *streamear* (stream), *hackear* (hack), *tagear* (tag) и другие. Примеры:

- Todos a *likear* su comentario.
- ¡Deja de *spamear* ya!

По-видимому, преобладание глаголов с окончаниями на –ar, связанных с активностью в интернете у носителей испанского языка может объясняться простотой в образовании форм этого типа спряжения. В свою очередь, мы также можем отметить, что в последние несколько лет в испаноязычное медиапространство проникло множество новых глаголов, которые также относятся к первому спряжению из областей и направлений деятельности, не связанных с взаимодействием в интернет-среде, впрочем, также образовавшиеся под влиянием английского языка. Среди таких неологизмов можно назвать, например, *levelear* (level), *spawnear* (spawn), *farmear* (farm) и другие. Так или иначе, сама возможность внесения изменений в язык посредством каждодневного создания дискурсов в виртуальной сетевой коммуникации, а также его подверженность этим изменениям, в очередной раз подтверждает тот факт, что видоизменение языка со временем представляет собой закономерный процесс его развития.

Финансирование. Статья выполнена при поддержке Программы Академического лидерства РУДН.

Acknowledgment. The article was published with support from the Program of Strategic Academic Excellence, RUDN University.

Литература

1. Анисимов В.Е. Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020а. – Т. 11. – № 2. – С. 357-367.
2. Анисимов В.Е. Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020б. – Т. 13. – № 1. – С. 240-245
3. Букина Л.М. L'emprunt comme le résultat de l'interférence du français et de l'anglais // Материалы XII Международной научной конференции студентов и аспирантов «Проблемы, порождаемые глобальными экономическими, политическими и социальными изменениями» / Отв. редактор Т.А. Полякова. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018. – С. 32-34.
4. Костюшкина, Г. М. Области представления знаний в языке и когнитивная эволюция человека Текст. / Г. М. Костюшкина // Номинация. Предикация. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. А. В. Кравченко. – Иркутск, ИГЭА, 2002. – С. 211-218.
5. Малюга Е.Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2019. – № 58. – С.52-70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
6. Мерзлякова Л.В. Лингвистический формат виртуального дискурса // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3-4 (56). – С. 40-48.
7. Asmus N. G., Masgutova M. F., Zabolotneva O. L. Linguistic Features Of Gender Differences In Blog Communication // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – London: Future Academy, 2020. – Pp. 45-52.
8. Bem S.L., D.J. Bem. Does sex-biased job advertising “aid and abet” sex discrimination? // Journal of Applied Social Psychology – №3 (1). – 2018. – Pp.6–18. <https://ras.jes.su/psy/s020595920005417-4-1>
9. El País: el periódico global. “No imprta q este scrito asi” [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://elpais.com/sociedad/2014/03/19/actualidad/1395260730_025818.html

10. Flores Farfán, J.A., A. Holzscheiter. The power of discourse and the discourse of power [Электронный ресурс] // Wodak, R., B. Johnstone, P. Kerswill (eds.) / The SAGE Handbook of Sociolinguistics. – Los Angeles etc. – 2015. – Pp. 139–152. – Режим доступа: <https://journals.equinoxpub.com/GL/article/view/16401/pdf>
11. Gribach S. V., Sibul V. V., Kolosovskaya E. V. Self-representation through social network status messages: Psycholinguistic, sociolinguistic and gender aspects // Training, Language and Culture. – 2019. – №3(4). – Pp.56-64. doi: 10.29366/2019tlc.3.4.6
12. Gygax, P., U. Gabriel, A. Lévy, E. Pool, M. Grivel, E. Pedrazzini. The masculine form and its competing interpretations in French: When linking grammatically masculine role names to female referents is difficult [Электронный ресурс] // Journal of Cognitive Psychology. – 2019. – №24(4). – Pp. 395–408. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/20445911.2011.642858>
13. Kersten-Pejanić R. Grenzen und Möglichkeiten geschlechtergerechten Sprachgebrauchs. Aktuelle Trends genderlinguistischer Forderungen am Beispiel Kroatiens [Электронный ресурс] // Die Macht von Sprachnormen. Perzeption, Produktion und Dekonstruktion von personaler Appellation im Kroatischen. –Edoc-server der Humboldt-Universität zu Berlin, 2018. – Режим доступа: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/19314>.
14. Kozlovskaya N. V., Rastyagaev A. V., Slozhenikina J. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // Training, Language and Culture. – 2020. – №4(4). – Pp. 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
15. Luján-García, Carmen. Analysis of the presence of Anglicisms in a Spanish internet forum: some terms from the fields of fashion, beauty and leisure [Электронный ресурс] // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. – 2017. – Режим доступа: <https://doi.org/10.14198/raei.2017.30.10>

16. Pons Lola Rodriguez. El árbol de la lengua [Электронный ресурс]. – Barcelona: Arpa Editores. – 2020. – Режим доступа: https://www.academia.edu/43832713/2020_El_árbol_de_la_lengua_Barcelona_Arpa_Editores_ISBN_978_84_17623_43_2
17. Prego C. Las Jergas juveniles y como internet esta cambiando lenguaje [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.xataka.com/xataka/jergas-juveniles-no-cosa-tu-pueblo-internet-esta-cambiando-lenguaje-esta-carita-mejor-ejemplo-lol>
18. Radyuk A.V., Ivanova M.V., Badmatsyrenova D.A., Makukha V.S. Pragma-semantic relations in the structure of a business microblog // International Journal of English Linguistics. – 2019. – Vol. 9. – № 6. – Pp. 392-403.
19. Shkineva M.A., Kalinnikova E.D., Borisova A.S. Phenomenon of female solidarity in modern web-space // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Сборник материалов IX Международной научной конференции. В 2-х частях. – 2020. – С. 32.
20. WordReference. Active forums about languages and cultures [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.wordreference.com/threads/mera-pr.2007915/>

References

- Anisimov, V.E. (2020a). Intertekstual'nost' maloformatnyh tekstov francuzskogo kinodiskursa [Intertextuality of small-format texts of French film discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 11(2), 357-367.
- Anisimov, V.E. (2020b). Kinozagolovok, sinopsis i slogan kinofil'ma kak funkcional'no-pragmaticheskie edinicy kinoteksta (na materiale sovremennogo francuzskogo kinodiskursa) [Cinema title, synopsis and slogan of a film as functional and pragmatic units of a film text (based on the material of modern French film discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(1), 240-245.
- Asmus, N. G., Masgutova, M. F., & Zabolotneva, O. L. (2020). Linguistic Features of Gender Differences In Blog

- Communication. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, (pp. 45-52). London: Future Academy.
- Bem, S.L., D.J. Bem. (2018). Does sex-biased job advertising “aid and abet” sex discrimination? *Journal of Applied Social Psychology*, 3 (1), 6–18. Retrieved from: <https://ras.jes.su/psy/s020595920005417-4-1> (Accessed 05.08.2021)
- Bukina, L.M. (2018). L’emprunt comme le résultat de l’interférence du français et de l’anglais. In *Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i aspirantov “Problemy, porozhdaemye global'nymi jekonomicheskimi, politicheskimi i social'nymi izmenenijami”*, (pp. 32-34). Moscow: HSE Publishing House.
- El País: el periódico global*. “No imprta q este scrito asi”. Retrieved from: https://elpais.com/sociedad/2014/03/19/actualidad/1395260730_025818.html (Accessed 03.09.2021)
- Flores Farfán, J.A., & Holzscheiter, A. (2015). *The power of discourse and the discourse of power*. In: Wodak, R., B. Johnstone, P. Kerswill (eds.). *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*, (pp.139–152). Los Angeles etc.,. Retrieved from: <https://journals.equinoxpub.com/GL/article/view/16401/pdf> (Accessed 12.08.2021)
- Gribach, S. V., Sibul, V. V., & Kolosovskaya, E. V. (2019). Self-representation through social network status messages: Psycholinguistic, sociolinguistic and gender aspects. *Training, Language and Culture*, 3(4), 56-64. doi: 10.29366/2019tlc.3.4.6
- Gygax, P., Gabriel, U., Lévy, A., Pool, E., Grivel, M. & Pedrazzini, E. (2019). The masculine form and its competing interpretations in French: When linking grammatically masculine role names to female referents is difficult. *Journal of Cognitive Psychology*, 24 (4), 395–408. Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/20445911.2011.642858> (Accessed 05.08.2021)
- Kersten-Pejanić, R. (2018). Grenzen und Möglichkeiten geschlechtergerechten Sprachgebrauchs. Aktuelle Trends genderlinguistischer Forderungen am Beispiel Kroatiens. In: 2017. Die Macht von Sprachnormen. *Perzeption, Produktion und*

- Dekonstruktion von personaler Appellation im Kroatischen*. Edoc-server der Humboldt-Universität zu Berlin. Retrieved from: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/19314> (Accessed 12.07.2021)
- Kostjushkina, G. M. (2002). Oblasti predstavlenija znanij v jazyke i kognitivnaja jevoljucija cheloveka [Fields of knowledge representation in language and human cognitive evolution]. In *Nominacija. Predikacija. Kommunikacija*, (pp. 211 – 218). Irkutsk.
- Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., & Slozhenikina, J. V. (2020). The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms. *Training, Language and Culture*, 4(4), 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
- Luján-García, C. (2017). Analysis of the presence of Anglicisms in a Spanish internet forum: some terms from the fields of fashion, beauty and leisure. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. Retrieved from: <https://doi.org/10.14198/raei.2017.30.10> (Accessed 17.07.2021)
- Malyuga, E.N. (2019). Emergent Trends in English Scientific Discourse: Issues of Research Relevance and Linguistic Identity. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya-Tomsk State University Journal Of Philology*, 58, 52-70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
- Merzljakova, L.V. (2010). Lingvisticheskij format virtual'nogo diskursa [Linguistic format of virtual discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3-4 (56), 40-48.
- Pons Lola Rodriguez. (2020). *El árbol de la lengua*. Barcelona: Arpa Editores. Retrieved from: https://www.academia.edu/43832713/_2020_El_árbol_de_la_lengua_Barcelona_Arpa_Editores_ISBN_978_84_17623_43_2 (Accessed 20.09.2021)
- Prego, C. (2021). *Las Jergas juveniles y como internet esta cambiando lenguaje*. Retrieved from: <https://www.xataka.com/xataka/jergas-juveniles-no-cosa-tu-pueblo-internet-esta-cambiando-lenguaje-esta-carita-mejor-ejemplo-lol> (Accessed 10.09.2021)
- Radyuk A.V., Ivanova M.V., Badmatsyrenova D.A., & Makukha V.S. (2019). Pragma-semantic relations in the structure of a business microblog. *International Journal of English Linguistics*, 9(6), 392-403.

- Shkineva, M.A., Kalinnikova, E.D., Borisova, A.S. (2020). Phenomenon of female solidarity in modern web-space. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo jazyka delovogo i professional'nogo obshhenija. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2-h chastjah.*, (p. 32). Moscow.
- WordReference. Active forums about languages and cultures. (2021). Retrieved from: <https://forum.wordreference.com/threads/mera-pr.2007915/> (Accessed 11.08.2021)

УДК: 378

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.04>

Г.О. Петросян

Е.Г. Гришечко

Российский университет дружбы народов

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме использования цифровых образовательных платформ в российских вузах для преподавания английского языка. Дистанционное обучение представляет собой процесс, при котором студенты могут легко получить доступ к информации, относящейся к их области обучения, в любое время и из любого местоположения. Примером технологии обучения, которая может быть связана с гибким обучением, является электронное обучение. Многие высшие учебные заведения разработали и интегрировали электронное обучение как часть учебной программы, чтобы соответствовать требованиям высшего образования в технологическую эпоху. В статье рассматриваются актуальные теоретические аспекты применения цифровых технологий в процессе обучения английскому языку в российских высших учебных заведениях. Цель статьи заключается в кратком обзоре теоретических преимуществ и потенциальных рисков цифровых образовательных платформ, анализе их применения в процессе преподавания английского языка, а также в выявлении основных

направлений применения некоторых платформ для реализации целей, заявленных во ФГОС «+++» для учебной дисциплины «иностраный язык». Методология исследования основана на системном научном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, метод систематизации и теоретического логического обобщения. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что использование цифровых образовательных платформ позволяет существенно расширить методическую и учебную базу в преподавании английского языка для сторонников интегративного, коммуникативного, проектного и интерактивного подходов к обучению.

Ключевые слова: дистанционное обучение, английский язык, онлайн-обучение, цифровые технологии, цифровые образовательные платформы

UDC 378

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.04>

G.O. Petrosyan

E.G. Grischechko

RUDN University

THE POSSIBILITY OF USING DIGITAL EDUCATIONAL PLATFORMS IN TEACHING ENGLISH: THEORETICAL ASPECT

The article is devoted to the problem of using digital educational platforms in Russian universities for teaching English. Distance learning is a process whereby students can easily access information related to their field of study at any time and from any location. An example of a learning technology that can be associated with flexible learning is e-learning. Many higher education institutions have developed and integrated e-learning as part of the curriculum to meet the demands of higher education in the technological age. The article examines the actual theoretical aspects of the use of digital technologies in the process of teaching English in Russian higher

educational institutions. The purpose of the article is to provide a brief overview of the theoretical advantages and potential risks of digital educational platforms; an analysis of their application in the process of teaching English, as well as to identify the main areas of application of some platforms to achieve the goals stated in the Federal State Educational Standard «+++» for the academic foreign language. The research methodology based on a systematic scientific approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, the method of systematization and theoretical logical generalization.

Based on the results of the study, the author concluded that the use of digital educational platforms can be significantly expand the methodological and educational base in teaching English for supporters of integrative, communicative, project-based and interactive approaches to learning.

Key words: distance learning, English, online learning, digital technologies, digital educational platforms.

Введение

В настоящее время существует множество педагогических подходов, основывающихся на использовании цифровых технологий, включая обучение на основе проектов, онлайн-обучение и т. п. Все эти подходы ориентированы либо на студентов, выполняющих учебные задания самостоятельно, либо на преподавателя, играющего основную роль в передаче знаний. В случае онлайн-обучения преподаватель выступает в роли инструктора, направляя студентов для поиска информации в Интернете. Следовательно, преподаватель в цифровой среде больше не является единственным источником знаний, поскольку его роль заменяется обучающей технологией. Исследования в области преподавания и изучения иностранных языков показывают, что возможность самостоятельного поиска информации в Интернете сокращает потребность современных студентов в очном обучении с участием преподавателя (Тухмурадова, 2021, с. 1787). Не исключено, что в будущих университетах традиционный подход вовсе будет сведен к минимуму, поскольку технологические инновации в методике

обучения продолжают меняться с огромной скоростью (Sicharenko, 2018, p. 110). Большинство учебных задач в настоящее время может быть выполнено с помощью технологий. Этот тезис может быть проиллюстрирован на примере современных образовательных учреждений, большинство из которых имеют собственные веб-сайты и образовательные онлайн-ресурсы, которые позволяют быстро распространять информацию и делиться ею со студентами.

Среда обучения также влияет на развитие новых знаний в процессе обучения иностранным языкам. Сюда входят физические возможности, психологическая атмосфера, учебные технологии и методы обучения. В наши дни учебные технологии предоставляют преподавателю инструменты для вовлечения студентов в обучение с помощью самых различных цифровых инструментов. Доступность новых технологий привела к широкому распространению дистанционного формата обучения во всех развитых странах (Mohamed, 2020, p. 59).

Наряду с этим, электронное обучение становится тенденцией в высших учебных заведениях как альтернативный подход к традиционному аудиторному методу. Все содержание курса, а также общение и обратная связь, предоставляются в режиме онлайн. Такой формат позволяет преодолеть физическую дистанцию и сблизить студентов для совместного выполнения проектов даже в случаях, когда разница во времени накладывает определенные ограничения. В современном мире доступ к знаниям и информации может быть получен в любое время и из любой точки мира.

За последнее десятилетие технологии стали неотъемлемым компонентом в преподавании и обучении английскому языку. Эта технологическая эволюция человечества является важной частью интеграции в цифровой мир с помощью учителей, которые могут облегчить процесс обучения. Сегодня ряд высших образовательных учреждений все еще испытывают определенные трудности, пытаясь догнать активно развивающийся мир, подчиняющийся законам глобализации (Штыхно, Константинова, Гагиев, 2020, с. 72). Не все образовательные организации обеспечены соответствующими учебными ресурсами, такими как диапроекторы, интерактивные доски, портативные компьютеры и

другое соответствующее оборудование (Штычно, Константинова, Гагиев, 2020, с. 73). Поэтому преподаватели английского языка сталкиваются с трудностями в сфере повышения эффективности занятий и мотивации студентов с помощью цифровых технологий. Период массового дистанционного обучения во время пандемии COVID-19, особенно во время ее первой волны в начале 2020 года, показал, что «во многих провинциальных вузах преподаватели английского языка оказались предоставлены сами себе, и уровень осведомленности преподавателей об использовании цифровых технологий для преподавания английского языка в целом оказался довольно низким» (Коморникова, Попова, 2020, с. 112). Во вторую волну пандемии большинство преподавателей использовали легко доступные бесплатные онлайн-ресурсы и инструменты, преподавали английский язык через социальные сети или веб-сайты. В силу этих проблем обзор полезных и безопасных, а также эргономичных цифровых образовательных платформ для преподавания английского языка является особенно актуальным.

Поскольку непрерывное развитие цифровых технологий продолжает оказывать глубокое влияние на образовательный контекст (включая условия обучения учителей), важно не только понять, насколько и каким образом обучение и подготовка учителей идет в ногу с повсеместным распространением цифровых технологий, но и также способствовать постоянному развитию компетенций и инициатив в этой области.

В данной статье проводится обзор цифровых платформ и инструментов, разработанных для содействия процессам преподавания и изучения английского языка, с целью информирования преподавателей, работающих в технологически загруженных средах. Рассматриваемые в статье цифровые платформы могут быть использованы для расширения и улучшения образовательной деятельности в режиме онлайн с использованием современных технологий. Подчеркивая роль, которую играет цифровое вспомогательное обучение в процессе преподавания английского языка, и опираясь на анализ последних тенденций в данной области, авторы описывают наиболее популярные цифровые платформы с учетом текущих подходов к изучению языка и оценке знаний, рассматривая их наиболее полезный с методической точки зрения функционал. В работе

подчеркивается важность принципа сотрудничества и предоставляется описание функциональных возможностей, потенциал которых может быть реализован другими практикующими специалистами в процессе обучения, что, как мы надеемся, станет толчком для более активного принятия и применения в отечественных образовательных учреждениях наиболее эффективных цифровых инструментов обучения английскому языку.

Цифровые образовательные платформы в научной литературе

В современном мире существует множество ресурсов для обучения английскому языку, одним из которых являются цифровые платформы. Цифровая образовательная платформа – это набор программного обеспечения и инструментов, предназначенных для всех уровней системы образования (Ardila-Rodríguez, 2021, p. 189).

За последнее десятилетие сотни инструментов цифрового образования были созданы с целью предоставить студенту автономию, улучшить управление учебными процессами, поощрить создание педагогических сообществ и облегчить общение между учителями и учащимися. В период пандемии COVID-19 цифровые платформы стали особенно полезны и популярны в условиях дистанционного обучения. В связи с возможностью повторения пандемии и вероятного возвращения к массовому дистанционному обучению необходимо более конкретно рассмотреть возможности преподавания гуманитарных дисциплин, в частности – английского языка, с помощью цифровых образовательных платформ.

Историография изучаемой темы весьма обширна и включает исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Отечественные работы по теме исследования посвящены изучению сущности, методических особенностей, преимуществ и недостатков использования цифровых ресурсов в преподавании английского языка (Демидько, 2021; Дубровкина, 2020; Есина, 2019; Коморникова, Попова, 2020; Нарбаева, Сергеев, Деркач, 2020; Штыхно, 2020; Sicharenko, 2018 и др.), в то время как труды зарубежных ученых посвящены в большей степени исследованию практического опыта внедрения цифровых платформ в

дистанционный формат обучения, а также презентации результатов эмпирических исследований результативности обучения английскому языку с помощью цифровых ресурсов (Ardila-Rodríguez, 2021; Decuypere, Grimaldi, Landri, 2021; Johnson, 2017; Kareva, 2020; Leitão, Gabriel, Colonna, Monteiro, Raimundo-Barreto, 2020; Mohamed, 2020; Tukmuradova, 2021 etc.).

Цифровые технологии получили широкое распространение в области обучения второму/иностранному языку в рамках планирования уроков, разработки содержания занятий, подбора материала и организации контроля усвоения знаний. Обсуждение и изучение цифровых технологий как инструмента обучения позволило выделить целый ряд преимуществ, связанных с их использованием. Согласно проведенным исследованиям, обращение к цифровым платформам позволило расширить горизонты обучения иностранному, изменив саму сущность данного процесса за счет обеспечения более масштабного и, как следствие, эффективного языкового взаимодействия (Chen, 2012). В качестве одного из главных преимуществ при этом выступает возможность сотрудничества с носителями целевого языка как в синхронном, так и в асинхронном режимах языковой интеракции (Alberth, 2013). Благодаря таким инструментам учащиеся также получают больше возможностей для поиска и активного использования аутентичных материалов (Yulia, Husin, Anuar, 2019).

Эмпирические данные проведенных исследований доказали, что изучение языка с использованием цифровых технологий позволило обеспечить продуктивную практику языковых навыков обучающихся за счет обеспечения их активного участия в образовательном процессе (Alberth, 2013). С.С. Ян и Ю.Дж. Чен (2007) пришли к выводу, что использование мультимедийных технологий имело положительный эффект при обучении иностранному языку в нескольких аспектах, включая облегчение общения, снижение тревожности, поощрение устного обсуждения, повышение мотивации студентов, а также развитие навыков письма и мышления. Согласно другим исследованиям, использование технологий может стимулировать повышение уровня интереса, мотивации, взаимодействия, а также развитие навыков продуцирования речи на изучаемом языке (Chen, 2012).

Исследование М.Р. Сетиаван и П. Виедартти (2020) показало, что приложение Quizlet эффективно повышает мотивацию студентов. К. Кришнапатрия, Н.И. Курниати и Х. Сафуллах (2019) пришли к выводу о том, что обучение английскому языку с использованием онлайн-приложения Google Maps может способствовать более активному вовлечению студентов в образовательный процесс и развитию навыков письма. Дж. Степп-Греани (2002) проанализировал преимущества технологий при изучении иностранного языка и разделил их на две категории – эмотивные и лингвистические. К первой категории исследователь отнес развитие самостоятельности в обучении, малотревожную среду, мотивирующую силу, активное общение, расширение роли обучаемого в обучении, а также внимание и участие преподавателя и сокурсников. В качестве лингвистических преимуществ автор перечисляет улучшение навыков письма, улучшение понимания прочитанного, а также повышенную уверенность при производстве речи.

С. Тумский (2019) упоминает следующие преимущества использования цифровых платформ в преподавании и изучении иностранного языка: устранение пространственных и временных барьеров, гибкость использования, разнообразие способов оценки усвоения знаний и современный дизайн, который добавляет еще один элемент удовольствия в процесс обучения. Цифровые платформы позволяют студентам учиться в любое время и в любом месте, а учителю – настраивать параметры и контент цифрового образовательного взаимодействия, что обеспечивается удобным, понятным и легко адаптируемым интерфейсом таких инструментов.

В исследованиях также отмечается, что важным условием успешности применения цифровых платформ в процессе обучения иностранному языку является учет демографии конечного пользователя – студента. Использование цифровых платформ в обучении иностранному языку неизбежно, поскольку развитие технологий привело к цифровизации образовательных процессов. Миллениалы являются активными пользователями цифровых продуктов, и, следовательно, интеграция цифровых платформ в процессы обучения таит в себе множество преимуществ для них, как целевой аудитории, имеющей определенные предпочтения и

ожидания (2021).

Исследование, проведенное Л.М. Чакравати в 2017 году, показало, что студенты положительно относятся к применению таких цифровых платформ, как Edmodo и Quipper, при изучении иностранного языка. Студенты отметили, что платформы способствовали эффективному освоению навыков общения на английском языке как иностранном, особенно в плане овладения словарным запасом.

Взгляды студентов на использование цифровых платформ в онлайн-изучении английского языка анализируются в исследовании И. Ирзавати (2021) и характеризуются как положительные. Как результаты анкетирования, так и интервью показали схожие результаты: студенты отмечали, что интеграция нескольких цифровых платформ облегчила процесс обучения, сделала их более дисциплинированными, предоставила различные материалы, к которым студенты могли легко получить доступ, что помогло им лучше понять материал и побудило их к поиску дополнительной информации по предмету. Кроме того, интеграция WhatsApp и Google Meet в обучение обеспечила интерактивное общение и обсуждение между студентами и преподавателями, а также друг с другом. Внедрение цифровых платформ также способствовало созданию идеальной учебной атмосферы, которая доставляла удовольствие студентам в процессе обучения. Несмотря на то, что доступ к платформам часто был затруднен, использование нескольких платформ потенциально предоставляло полезные альтернативы, которые подходят студентам с различными проблемами, потребностями и интересами. Правильное использование цифровых платформ в обучении английскому языку как иностранному помогло учащимся хорошо усвоить материал и, следовательно, привело к повышению успеваемости (Irzawati, 2021).

Несмотря на обширную историографию, вопрос применения цифровых образовательных платформ в отечественной педагогической науке только начинает разрабатываться, что обуславливает необходимость более подробного рассмотрения теоретических возможностей использования такого рода ресурсов в процессе преподавания английского языка (Malyuga, Sibul, & Tomalin, 2019).

Теоретические аспекты применения цифровых платформ в преподавании английского языка

Проведенный нами анализ существующих цифровых платформ, разработанных для преподавания английского языка, показал, что такие платформы предлагают преимущества, выходящие далеко за рамки проблем и вызовов, связанных с пандемией. В настоящее время среди преподавателей вузов в зарубежных странах большой популярностью пользуются следующие цифровые образовательные платформы.

1. Образовательная платформа «Edmodo» – это образовательный инструмент, который объединяет учителей и учеников и интегрируется в социальную сеть. В этом случае учителя могут создавать онлайн-группы для совместной работы, администрировать и предоставлять учебные материалы, измерять успеваемость учащихся и общаться с родителями, помимо других функций. Платформа «Edmodo» имеет более 34 миллионов пользователей, которые подключаются друг к другу, чтобы создать более обогащающий, персонализированный и согласованный с возможностями, открываемыми технологиями и цифровой средой, процесс обучения. С точки зрения преподавания английского языка данный ресурс интересен тем, что позволяет создать учебную языковую среду и обеспечить полное погружение в нее для студентов 1-3 курсов обучения. При этом выполняется требование ФГОС «+++» по формированию коммуникативной компетенции студентов как языковых, так и неязыковых вузов. С. Холланд и Л. Мюленбург (2011) в своем практическом исследовании, оценивающем особенности цифровой платформы «Edmodo», заключают следующее: «Используя ранее сформированный опыт в области пользования социальными сетями, учащиеся смогли быстро освоиться на форумах «Edmodo» и перейти от ориентированной на учителя сессии вопросов и ответов к обсуждению литературы между студентами. По мере того, как учащиеся приобретали больше опыта в онлайн-обсуждениях на основе литературы, их способность задавать содержательные вопросы и получать содержательные ответы при минимальном вмешательстве учителя успешно расширялась. Применение стратегии взаимного обучения для онлайн-обсуждения с использованием ресурсов «Edmodo» рекомендуется

для обучения английскому языку и другим предметным областям» (Holland, Muilenburg, 2011, p. 3235).

2. Цифровая образовательная платформа «Socrative» – это система, разработанная группой предпринимателей и инженеров, специализирующихся на услугах образования. Платформа предоставляет преподавателям возможность создавать образовательные игры и упражнения, которые студенты могут выполнять с использованием смартфонов, ноутбуков или планшетов. Платформа полезна тем, что с ее помощью преподаватели английского языка могут отслеживать прогресс каждого ученика и выстраивать последующие уроки соответствующим образом, обеспечивая индивидуальный подход к обучению. Это особенно важно для инклюзивного образования, а также для студентов с ограниченными возможностями здоровья, которые вынуждены изучать английский язык по индивидуальному плану. В одном из практических исследований, нацеленном на изучение особенностей данной цифровой платформы, дается следующее заключение: «Socrative» – подходящий инструмент, который может способствовать активному обучению на занятиях по иностранному языку. Результаты нашего исследования показали, что использование данной платформы позволило поддержать и повысить мотивацию студентов. Кроме того, это помогло им определить уровень собственных знаний, облегчить понимание концепций и значительно ускорить процесс обучения. Данный инструмент также стимулирует общение учащихся между собой и с преподавателем, стимулируя совместный обмен информацией, развивает коммуникативные навыки и дух сотрудничества между учащимися, помогая им повысить успеваемость. Более того, учащиеся чувствуют, что их ответы и мнения ценятся как преподавателем, так и одноклассниками. Мы настоятельно рекомендуем использовать «Socrative» в классе как инструмент оптимизации процесса обучения в режиме онлайн. Мы пришли к выводу, что «Socrative» повышает уровень интерактивности образовательного процесса, что помогает учащимся проявлять большую активность на занятиях по иностранному языку и реализовывать совместное обучение, что также увеличивает вовлеченность учащихся в учебный процесс» (Awedh, Mueen,

Zafar, Manzoor, 2015).

3. Образовательная платформа «Project» – это цифровой инструмент, который позволяет создавать мультимедийные презентации с динамическими слайдами, в которые можно встраивать интерактивные карты, ссылки, онлайн-тесты, посты Twitter и видео, а также реализовывать другие мультимедийные опции. Во время занятия преподаватели могут делиться со студентами академическими презентациями, визуально адаптированными для различных устройств. Данная платформа очень полезна в контексте использования проектного метода обучения английскому языку, особенно для международных проектов, в которых участвуют носители языка. Данная платформа позволяет, на наш взгляд, реализовать лингвокультурный подход к обучению английскому языку, дает возможность межкультурного взаимодействия между участниками учебно-образовательных проектов, а также способствует формированию межкультурной компетенции, заявленной во ФГОС «+++» для учебной дисциплины «английский язык». В одном из практических исследований, рассматривающих особенности данной цифровой платформы, авторы приходят к следующим выводам: «Project» функционирует как учебное пособие для инструкторов и побуждает учащихся создавать новаторские презентации Power Point. Созданные слайды могут храниться на любых доступных накопителях, что облегчает технические аспекты работы. «Project» – это инструмент онлайн-обучения, который позволяет преподавателям и учащимся раскрыть свой креативный потенциал, получить новые знания и развить как новые, так и существующие навыки в соответствующей предметной области. Используя огромный банк ресурсов, доступных для них в Интернете, студенты получают возможность повысить свою предметную и общую технологическую компетентность путем целенаправленного использования и оценки полученной информации. Это творческая платформа для презентации данных, которая помогает преподавателю в создании контекста и контента, обеспечивая потрясающий опыт обучения. Применение цифровой платформы «Project» подразумевает использование теории смешанного обучения, позволяя преподавателю развивать навыки учащихся в самых разных направлениях» (Jyothi, Chandrika, 2021,

p.1060).

4. Цифровая образовательная платформа «ThingLink» позволяет преподавателям создавать интерактивные изображения с музыкой, звуками, текстами и фотографиями. Данным контентом можно поделиться на других веб-сайтах или в социальных сетях, таких как Twitter и Facebook. При этом платформа предоставляет учителям возможность создавать интерактивные индивидуальные планы и групповые онлайн-занятия с использованием цифровых инструментов и может быть полезна для внедрения новых, авторских методик обучения английскому языку, в том числе – для работы с одаренными студентами. Согласно выводам Н.А. Рослана и М.С. Сахрира (2020), данная платформа имеет ряд важных практических преимуществ: «В свете результатов проведенного исследования, мы можем заключить, что педагогика обучения иностранному языку при работе с нынешним поколением обучающихся должна быть эклектичной и разнообразной, сочетая в себе как традиционные, так и современные подходы к обучению. В частности, преподаватели не должны использовать одни и те же методы и стратегии обучения с начала до конца семестра. Они должны быть компетентными в создании интерактивных и увлекательных учебных материалов, которые пробуждают у студентов интерес к овладению иностранным языком. Поскольку учащиеся отличаются разными уровнями способностей, имеют варьирующиеся типы личности и по-разному «откликаются» на отдельные стили обучения, им требуются разные подходы, соответствующие их потребностям и особенностям. Некоторые могут быстро учиться, а другие – медленнее или менее успешно. Использование разнообразных стратегий обучения повысит мотивацию учащихся и улучшит их достижения. В будущих исследованиях может быть полезно изучить использование «ThingLink» при обучении лексике в контексте работы с различными группами обучающихся (учащиеся с особыми потребностями, учащиеся продвинутого уровня, взрослые учащиеся и т. д.). Это стало бы важным шагом на пути к более широкому внедрению «ThingLink» как подспорья в преподавании иностранного языка в учебных заведениях. С помощью данной цифровой платформы можно «вырастить» множество творческих преподавателей и студентов, поскольку «ThingLink» является

подходящим и эффективным инструментом, который может удовлетворить потребности образования 21 века» (Roslan, Sahrir, 2020, p.50).

5. Цифровая платформа «TED-Ed» – это образовательная платформа, которая позволяет создавать коллективные учебные программы преподавательским сообществам, которые стремятся расширить существующую в вузах методическую базу и внедрить свои методические разработки на практике. Платформа полезна тем, что позволяет демократизировать доступ к информации между преподавателями, а также между преподавателями и студентами. Одно из практических исследований, рассматривающих специфику использования данной цифровой платформы, предлагает следующие выводы по результатам ее применения и анализа: «Использование «TED-Ed» позволяет дать студентам «право голоса», наделить их возможностью самовыражения, что, в свою очередь, стимулирует чувство принадлежности и повышает компетентность. Учащийся также получает возможность развить важные навыки 21 века, такие как креативность, устойчивость и критическое мышление. Изучение и определение собственных увлечений и идентичности также является ценным жизненным ориентиром для молодых людей, которые ищут свое место в этом мире. Наконец, «TED-Ed» предоставляет аутентичный способ улучшить коммуникативные навыки и развить «презентационную грамотность», что подразумевает умение эффективно представлять идеи широкой аудитории в различных форматах» (Furman, Taylor, Merpert, Yatche, Jacobs, Ottaviano, Luzuriaga, 2019, p.175).

6. Цифровая образовательная платформа «сК-12» – это веб-сайт, который предназначен для свободного доступа к учебной литературе для преподавания, в том числе – для преподавания делового английского. Для достижения этой цели платформа имеет интерфейс с открытым исходным кодом, который позволяет создавать и распространять учебные материалы через Интернет, которые могут быть в любой момент отредактированы преподавателем и содержать видео, аудио и интерактивные упражнения. Материалы этого ресурса также можно распечатать и использовать для прохождения студентами языковых вузов тестов экзамена «First Certificate», что очень полезно при подготовке

будущих профессиональных переводчиков. Книги, созданные в цифровой платформе «сК-12», могут быть адаптированы с учетом специфики изучения английского языка в неязыковых вузах. В рамках платформы можно получить практически все последние издания аутентичных англоязычных словарей и грамматических справочников в формате электронной книги, доступном для любого современного цифрового устройства. Данная платформа, таким образом, позволяет удовлетворить потребности в аутентичных учебных и методических материалах в соответствии с мировыми стандартами преподавания английского языка. Авторы одного из практических исследований, рассматривающих специфику использования данной цифровой платформы, приходят к следующему заключению: «Наше исследование показало, что «сК-12» может рассматриваться как эффективный инструмент, помогающий учащимся легче усвоить предлагаемый материал. При оптимально взвешенном применении, данная цифровая платформа позволяет достичь объективно эффективных результатов при обучении иностранному языку. Платформа исключительно удобна в использовании и отвечает современным требованиям обучения, которое в значительной степени полагается на технологии или виртуальное взаимодействие между сторонами образовательного процесса. При использовании «сК-12» студенты показали улучшение показателей по категориям «мыслительные способности», «критическое мышление», «свободное говорение» и «креативность». Обучающиеся имели возможность выразить свое творческое и критическое мышление в процессе обучения, что, как мы надеемся, поможет им в решении проблем в реальной жизни» (Farah, Joanna, Amarpreet, Nuzlinda, Nida, Nasrudin, 2021, p. 969-970).

7. Цифровая платформа «ClassDojo» – это инструмент для улучшения дисциплины студентов: преподаватели предоставляют мгновенную обратную связь, так что ответственное отношение студентов к занятиям в онлайн-режиме «вознаграждается» баллами, а студенты более серьезно относятся к процессу обучения. Платформа предоставляет преподавателю возможность в режиме реального времени наблюдать за активностью студентов во время занятий, чем существенно отличается в лучшую сторону от таких ресурсов, как Skype или Moodle, при работе с которыми

преподаватель вынужден наблюдать только изображение профиля студента, который физически может быть у компьютера или может на самом деле отсутствовать, просто переведя свой профиль в онлайн-режим. О проблеме безответственного поведения студентов российских вузов во время дистанционного обучения в период карантина, введенного в связи с пандемией COVID-19, пишут многие отечественные авторы (Нарбаева, Сергеева, Деркач, 2020; Штырно, Константинова, Гагиев, 2020). Платформа «ClassDojo» позволяет решить эту проблему, по крайней мере – в отношении семинарских занятий, поскольку система регистрации данных в этой платформе учитывает показатели физической активности каждого аккаунта и собирает эту информацию. На основе этих данных преподаватель может видеть реальную картину посещаемости онлайн-занятий.

8. Цифровая платформа «eduClipper» позволяет преподавателям и студентам обмениваться ссылками и учебными материалами для изучения английского языка как иностранного. Студенты могут самостоятельно собирать информацию, найденную в Интернете, а затем делиться ею с членами ранее созданных групп, что дает возможность более эффективного управления академическим контентом, найденным в глобальной сети, улучшать методы исследования и создавать цифровые записи об успеваемости студентов в течении курса. С методической точки зрения данная платформа дает преподавателям возможность организовать виртуальную аудиторную работу со своими студентами и создать портфолио, в котором хранится вся выполненная ими работа.

9. Цифровая платформа «Storybird» направлена на развитие навыков письма и чтения на английском языке посредством рассказывания историй. С помощью этого инструмента изучения английского языка студенты могут создавать интерактивные художественные книги в онлайн-режиме с помощью простого и удобного интерфейса. Созданные истории, среди прочего, могут быть встроены в блоги, отправлены по электронной почте и распечатаны. Используя платформу «Storybird», преподаватели также могут создавать проекты со студентами, давать постоянную обратную связь, а также организовывать занятия и выставлять оценки. Данная платформа особенно полезна для преподавания английского языка в неязыковых вузах, для студентов 1 курса,

владеющих языком на уровне «Elementary».

10. Цифровая платформа «Animoto» – это цифровой инструмент, который позволяет создавать высококачественные видеоролики в короткие сроки с любого мобильного устройства, вдохновляя студентов, делая академический курс английского языка более интересным и повышая мотивацию к обучению. Платформа особенно полезна при проектном подходе к обучению английскому языку. Интерфейс «Animoto» удобен и практичен, что позволяет преподавателям создавать аудиовизуальный контент, который адаптируется к образовательным потребностям студентов с уровнем знаний от «Elementary» до «Advanced».

11. Цифровая образовательная платформа «Kahoot!» специализируется на образовательных играх и тестах. С помощью данного инструмента преподаватели английского языка могут создавать анкеты, обсуждения или опросы, дополняющие академические занятия. Учебный материал проецируется в режиме реального времени, и студенты отвечают на вопросы во время учебной игры. Данная платформа особенно полезна для тех преподавателей, которые являются сторонниками интерактивного подхода к обучению английскому языку. Платформа повышает степень вовлеченности студентов и создает динамичную, социальную и увлекательную образовательную языковую среду, что полезно при формировании коммуникативной компетенции, заявленной во ФГОС «+++».

В целом, с теоретических позиций, потенциальные преимущества современных цифровых платформ заключаются в том, что они могут способствовать диалогической и монологической практике обучения английскому языку. Диалогическая практика – это практика, в которой студенты являются активными, вовлеченными и ответственными участниками беседы, из которой происходит обучение. Такая практика возможна при интегративном подходе к обучению, когда английский язык преподается в контексте программы по основной специальности студентов неязыковых вузов. Например, учащиеся, работающие над программой математического моделирования, на занятии английского могут обсуждать то, что они моделируют, не полагаясь на терминологию, которой у них еще может не быть в активном словарном запасе. Преподаватель может добавить

соответствующую терминологию в обсуждение на английском языке по мере развития проекта.

Еще одно потенциальное преимущество использования цифровых образовательных платформ заключается, по мнению некоторых исследователей, в «практике эмансипации», при которой идеи отдельного студента выходят за рамки обучения, предписанного преподавателем или программой, поскольку они опираются на знания, полученные вне формального образования (Descouperre, Grimaldi, Landri, 2021, p.6). Например, студенты могут использовать свои собственные знания и опыт игры на музыкальных инструментах или использовать технологии для создания собственной среды записи (возможно, используя мобильный телефон) при изучении тем, связанных с музыкальной культурой англоязычных стран.

Очевидно также, что различные цифровые образовательные платформы могут разнообразить академический процесс обучения, дополняя и объединяя учебные мероприятия, что особенно полезно для сторонников интегративного подхода к обучению английскому языку.

Например, на занятиях две группы студентов, обучающихся у двух разных преподавателей, могут связываться через образовательную платформу, чтобы изучить культурные различия в контексте конкретной глобальной проблемы, такой как загрязнение окружающей среды или энергоснабжение, «зеленая энергетика» и прочие интересные темы глобального характера на английском языке. Группы могут работать вместе, чтобы понять не только саму проблему, но и ее влияние на сообщества и отдельных людей, беседуя онлайн с реальными носителями языка. В ситуациях, когда пропускная способность образовательной платформы ограничена, как это наблюдалось с системой Moodle для российских университетов в период пандемии в 2020 году, для проведения занятий можно воспользоваться другими, альтернативными и более эргономичными цифровыми платформами – в том числе теми, что были перечислены нами выше.

Цифровые платформы также могут быть интересны для самих студентов при реализации подхода непрерывного обучения, поскольку они предлагают потенциально более интересную

альтернативу академическим занятиям. В то же время важно знать, что некоторые студенты могут быть менее уверены в обучении с использованием цифровых платформ, и необходимо принять меры для обеспечения равного доступа к учебному процессу.

Еще одно неоспоримое преимущество использования цифровых платформ для преподавания английского языка заключается в том, что они предлагают немедленную обратную связь как для преподавателя, так и для студента.

В настоящее время много времени и ресурсов вкладывается в технологии и приложения, эффективность и действенность которых еще предстоит доказать по сравнению с более традиционными контекстами обучения английскому языку в вузе. Поэтому преподавателям английского языка для достижения целей, поставленных во ФГОС «+++», необходимо тщательно продумать, когда, почему и как использовать цифровые платформы, а также как именно оценивать их эффективность и результативность. В настоящее время система критериев такой оценки находится только в стадии методологической разработки в работах некоторых зарубежных исследователей (Kareva, 2020, p. 22).

Помимо этого, следует учитывать, что в российских условиях до сих пор существует «цифровой разрыв» между теми, у кого есть доступ к цифровым технологиям и Интернету, и теми, у кого его нет. Внедрение и последующее обслуживание технологий обходятся дорого, особенно потому, что системы зачастую быстро устаревают. У студентов могут быть проблемы с существующей инфраструктурой, например, подключение к Интернету может быть нестабильным и (или) медленным. Также безопасность студентов и преподавателей является ключевой задачей, поскольку предотвращение киберпреступлений, взлома личной информации, доступа к незаконным или запрещенным материалам и отвлечение от обучения (например, социальные сети и использование мобильного телефона не для учебных целей) занимают важное место в повестке дня российских высших учебных заведений (Leitão, Gabriel, Colonna, Monteiro, Raimundo-Barreto, 2020, p. 122). Некоторые виды использования технологий могут быть вредными для здоровья. Например, плохая осанка и зрительное напряжение – частые проблемы при длительной работе

за настольным компьютером. Исследования российских ученых свидетельствуют о том, что на данный момент потенциал цифровых платформ в вузах не реализуется в полной мере или не учтены все риски их использования (Sichkarenko, 2018, p. 111).

Заключение

Проведенный анализ наиболее популярных современных цифровых платформ для обучения английскому языку, а также характеристика их преимуществ и рисков, позволяет заключить, что в целом, при адекватном использовании, цифровые платформы способствуют активному обучению, а это, в свою очередь, позволяет студентам достичь более высоких оценок на основе более глубокого понимания учебного материала и высокого уровня мотивации к обучению в аутентичной языковой виртуальной среде. Следует отметить, что практика использования цифровых платформ также позволяет эффективно контактировать с некоторыми британскими вузами в рамках международных студенческих проектов. Например, Кембридж поддерживает процесс экзаменов с помощью компьютерных и онлайн-процессов оценки, что повышает эффективность контактов с экзаменационными центрами. В рамках набора квалификаций профессионального развития, предлагаемого Кембриджем, преподаватели российских вузов также могут получить сертификат и/или диплом по обучению с использованием цифровых технологий.

В целом, следует признать, что несмотря на потенциальные риски, цифровые образовательные платформы призваны помочь преподавателям эффективно и надлежащим образом использовать цифровые технологии для поддержки обучения своих учеников в рамках нескольких концептуальных подходов к преподаванию английского языка: интегративного, интерактивного, коммуникативного и проектного. С целью эффективного использования цифровых образовательных платформ в дальнейшем необходимо разработать универсальную методологию для оценки их эффективности в рамках процесса обучения английскому языку в российских вузах.

Литература

1. Демидько Е.В. Цифровая образовательная платформа: проблемы и пути решения // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 1. – С.20-24.
2. Дубровкина И.Ю. Использование Интернет-ресурсов и цифровых инструментов в дистанционном обучении английскому языку // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 3. – С. 45-50.
3. Есина Л.С. Повышение эффективности обучения монологической речи на английском языке с использованием цифровых технологий // Современное педагогическое образование. 2019. № 7. – С. 42-46.
4. Коморникова О.М., Попова Е.И. Проблемы развития дистанционного образования в России // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2. – С. 111-116.
5. Нарбаева Е.А., Сергеева К.К., Деркач А.М. Использование цифровых технологий на уроках английского языка: проблема эффективности // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 3. – С. 2-14.
6. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. № 5. – С. 72-83.
7. Alberth A. Technology-enhanced teaching: A revolutionary approach to teaching English as a foreign language // TEFLIN Journal. 2013. Vol. 24(1). – P. 1-13. DOI: 10.15639/teflinjournal.v24i1/1-13
8. Ardila-Rodríguez M. Indicators of the Quality of Digital Educational Platforms. Educación y Educadores. 2021. Vol. 1. – P. 189-206.
9. Awedh M., Mueen A., Zafar B., Manzoor U. (2015). Using Socratic and smartphones for the support of collaborative learning // International Journal on Integrating Technology in Education. 2015. Vol. 3(4). – P. 17-24. DOI: 10.5121/ijite.2014.3402
10. Cakrawati L. M. Students' perceptions on the use of online learning platforms in EFL classroom // English Language Teaching and Technology Journal. 2017. Vol. 1(1). – P. 22-30. DOI: 10.13140/RG.2.2.12601.08800

11. Chen C. L. A. Extended implications of technology in second language teaching and learning // Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics. 2012. Vol. 11(2). – P. 27-28. DOI: 10.7916/D85X2NMK
12. Decuyper M., Grimaldi E., Landri P. Introduction: Critical studies of digital education platforms // Critical Studies in Education. 2021. Vol. 62(1). – P. 1-16.
13. Farah R. N., Joanna D., Amarpreet K., Nuzlinda A. R., Nida S. U., Nasrudin M. R. The usability of CK-12 application in teaching and learning in 21st century for topic statistics among form 4 students in USJ, Subang Jaya // Review of International Geographical Education Online. 2021. Vol. 11(4). – P. 963-971. DOI: 10.48047/rigeo.11.04.89
14. Furman M., Taylor I., Merpert A., Yatche T., Jacobs M., Ottaviano M., Luzuriaga M. (2019). Becoming TED speakers in school: Student development through participation in TED-Ed clubs // Journal of Youth Development. 2019. Vol. 14(4). – P. 164-177. DOI: 10.5195/jyd.2019.775
15. Holland C., Muilenburg L. Supporting student collaboration: Edmodo in the classroom // Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference. Waynesville, USA: Association for the Advancement of Computing in Education, 2011. – P. 3232-3236.
16. Irzawati I. The utilization of digital platforms in online learning: EFL students' perspectives // Indonesian EFL Journal. 2021. Vol. 7(2). – P. 131-138. DOI: 10.25134/ieflj.v7i2.4566
17. Johnson K. S. Teaching English through Digital World. Social Science. 2017. Vol.4. P. 10-26. DOI: 10.21742/ijdcasd.2017.4.1.01
18. Jyothi D. S., Chandrika R. P. Use of most popular digital education tools: A catalyst for institutional transformation // International Journal of Aquatic Science. 2021. Vol. 12(2). – P. 1055-1061.
19. Kareva V. The role of digital technology in teaching English for specific purposes in higher education. Conference: 12th International Conference on Education and New Learning Technologies. 2020. P. 21-38. DOI: 10.21125/edulearn.2020.2161
20. Krishnapatria K., Kurniati N. I., Saefullah H. Engaging students in writing recount text through Google Maps // Studies in

English Language and Education. 2019. Vol. 6(2). – P. 199-211. DOI: 10.24815/siele.v6i2.13966

21. Leitão G., Gabriel J., Colonna E., Monteiro E., Raimundo-Barreto O. New Metrics for Learning Evaluation in Digital Education Platforms. *Educación y Educadores*. 2020. Vol. 4. – P. 122-137.

22. Malyuga E.N., Orlova S.N. teaching professional English terminology to students of economic universities // *EDULEARN16. Proceedings 8th International Conference on Education and New Learning Technologies*. - IATED. - 2016. - C. 7236-7241.

23. Malyuga E.N., Sibul V.V., Tomalin B. Project method and ICT opportunities of distance learning // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. - 2019. - Vol. 9. - № 6. - P. 1.

24. Mohamed H.M. Mobile Digital Education. In book: *Evidence Based Analysis of Technology in Teaching and Learning*. 2020. – P. 59-77.

25. Pirbhai-Jetha N., Boncoeur P., Bheekhar N. Digital Learning for Millenials: IT in Education and/or IT for Education. In book: *Progress in Advanced Computing and Intelligent Engineering*. Singapore: Springer, 2021. – P. 871-879. DOI: 10.1007/978-981-33-4299-6_71

26. Roslan N. N. A., Sahrir M. S. The effectiveness of ThingLink in teaching new vocabulary to non-native beginners of the Arabic language // *IJUM Journal of Educational Studies*. 2020. Vol. 8(1). – P. 32-52. DOI: 10.31436/ijes.v8i1.274

27. Setiawan M. R., Wiedarti P. The effectiveness of Quizlet application towards students' motivation in learning vocabulary // *Studies in English Language and Education*. 2020. Vol. 7(1). – P. 83-95. DOI: 10.24815/siele.v7i1.15359

28. Sichkarenko K.O. Digital educational platforms development and digital competences dissemination in education. *Efficiency and Economy*. 2018. Vol. 2. – P. 109-115. DOI: 10.32702/2307-2105-2018.12.115

29. Stepp-Greany J. Student perceptions on language learning in a technological environment: Implications for the new millennium // *Language Learning and Technology*. 2002. Vol. 6(1). – P. 165-180.

30. Suleimanova O. A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices // *Training, Language*

and Culture. - 2020. - №4(4). – Pp. 39-50. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50

31. Tukmuradova M.E. Impact of digital education on delivering English lessons. *Academicia an International Multidisciplinary Research Journal*. 2021. Vol. 10(11). – P. 1787-1791.

32. Tumskiy S. The use of learning management systems in the teaching of English to high-level learners at tertiary level // *Proceedings of the 13th International Technology, Education and Development Conference (INTED 2019)*. Valencia, Spain: IATED, 2019. – P. 3530-3533. DOI: 10.21125/inted.2019.0915

33. Yang S. C., Chen Y. J. Technology-enhanced language learning: A case study // *Computers in Human Behavior*. 2007. Vol. 23(1). – P. 860-879. DOI: 10.1016/j.chb.2006.02.015

34. Yulia A., Husin N. A., Anuar F. I. Channeling assessments in English language learning via interactive online platforms // *Studies in English Language and Education*. 2019. Vol. 6(2). – P. 228-238. DOI: 10.24815/siele.v6i2.14103

References

- Alberth, A. (2013). Technology-enhanced teaching: A revolutionary approach to teaching English as a foreign language. *TEFLIN Journal*, 24(1), 1-13. DOI: 10.15639/teflinjournal.v24i1/1-13
- Ardila-Rodríguez, M. (2021). Indicators of the Quality of Digital Educational Platforms. *Educación y Educadores*, 1, 189-206.
- Awedh, M., Mueen, A., Zafar, B. & Manzoor, U. (2015). Using Socrative and smartphones for the support of collaborative learning. *International Journal on Integrating Technology in Education*, 3(4), 17-24. DOI: 10.5121/ijite.2014.3402
- Cakrawati, L. M. (2017). Students' perceptions on the use of online learning platforms in EFL classroom. *English Language Teaching and Technology Journal*, 1(1), 22-30. DOI: 10.13140/RG.2.2.12601.08800
- Chen, C. L. A. (2012). Extended implications of technology in second language teaching and learning. *Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics*, 11(2), P. 27-28. DOI: 10.7916/D85X2NMK
- Decuyper, M., Grimaldi, E. & Landri, P. (2021). Introduction: Critical studies of digital education platforms. *Critical Studies in*

Education, 62(1), 1-16.

- Demidko, E.V. (2021). Cifrovaya obrazovatel'naya platforma: problemy i puti resheniya [Digital educational platform: problems and solutions]. In *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 1, 20-24.
- Dubrovkina, I. Yu. (2020). Ispolzovanie Internet-resursov i cifrovyyh instrumentov v distancionnom obuchenii anglijskomu yazyku [The use of Internet resources and digital tools in distance learning English]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 45-50.
- Esina, L.S. (2019). Povyshenie effektivnosti obucheniya monologicheskoy rechi na anglijskom yazyke s ispolzovaniem cifrovyyh tekhnologij [Increasing the efficiency of teaching monologue speech in English using digital technologies]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 7, 42-46.
- Farah, R. N., Joanna, D., Amarpreet, K., Nuzlinda, A. R., Nida, S. U. & Nasrudin, M. R. (2021). The usability of CK-12 application in teaching and learning in 21st century for topic statistics among form 4 students in USJ, Subang Jaya. *Review of International Geographical Education Online*, 11(4), 963-971. DOI: 10.48047/rigeo.11.04.89
- Furman, M., Taylor, I., Merpert, A., Yatche, T., Jacobs, M., Ottaviano, M. & Luzuriaga, M. (2019). Becoming TED speakers in school: Student development through participation in TED-Ed clubs. *Journal of Youth Development*, 14(4), 164-177. DOI: 10.5195/jyd.2019.775
- Holland, C. & Muilenburg, L. (2011). Supporting student collaboration: Edmodo in the classroom. In *Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference*, (pp. 3232-3236). Waynesville, USA: Association for the Advancement of Computing in Education
- Irzawati, I. (2021). The utilization of digital platforms in online learning: EFL students' perspectives. *Indonesian EFL Journal*, 7(2), 131-138. DOI: 10.25134/ieflj.v7i2.4566
- Johnson, K. S. (2017). Teaching English through Digital World. *Social Science*, 4, 10-26. DOI: 10.21742/ijdcasd.2017.4.1.01
- Jyothi, D. S. & Chandrika, R. P. (2021). Use of most popular digital education tools: A catalyst for institutional transformation.

- International Journal of Aquatic Science*, 12(2), 1055-1061.
- Kareva, V. (2020) The role of digital technology in teaching English for specific purposes in higher education. In *Conference: 12th International Conference on Education and New Learning Technologies*, (pp. 21-38). DOI: 10.21125/edulearn.2020.2161
- Komornikova, O.M. & Popova, E.I. (2020). Problemy razvitiya distancionnogo obrazovaniya v Rossii [Problems of the development of distance education in Russia]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 111-116.
- Krishnapatria, K., Kurniati, N. I. & Saefullah, H. (2019). Engaging students in writing recount text through Google Maps. *Studies in English Language and Education*, 6(2), 199-211. DOI: 10.24815/siele.v6i2.13966
- Leitão, G., Gabriel, J., Colonna, E., Monteiro, E. & Raimundo-Barreto, O. (2020). New Metrics for Learning Evaluation in Digital Education Platforms. *Educación y Educadores*, 4, 122-137.
- Malyuga, E.N., Orlova, S.N. (2016). Teaching professional English terminology to students of economic universities. In *EDULEARN16. Proceedings 8th International Conference on Education and New Learning Technologies*, (pp. 7236-7241). IATED.
- Malyuga, E.N., Sibul, V.V., & Tomalin, B. (2019). Project method and ict opportunities of distance learning. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 9(6), 1.
- Mohamed, H.M. (2020). Mobile Digital Education. In *Evidence Based Analysis of Technology in Teaching and Learning*, (pp. 59-77).
- Narbaeva, E.A., Sergeeva, K.K. & Derkach A.M. (2020). Ispolzovanie cifrovyyh tekhnologiy na urokah anglijskogo yazyka: problema effektivnosti [The use of digital technologies in English lessons: the problem of efficiency]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 3, 2-14.
- Pirbhai-Jetha, N., Boncoeur, P. & Bheekhar, N. (2021). Digital Learning for Millenials: IT in Eduation and/or IT for Education. In *book: Progress in Advanced Computing and Intelligent Engineering*, 871-879. DOI: 10.1007/978-981-33-4299-6_71
- Roslan, N. N. A. & Sahrir, M. S. (2020). The effectiveness of ThingLink in teaching new vocabulary to non-native beginners of the Arabic language. *IJUM Journal of Educational Studies*, 8(1),

32-52. DOI: 10.31436/ijes.v8i1.274

- Setiawan, M. R., & Wiedarti P. (2020). The effectiveness of Quizlet application towards students' motivation in learning vocabulary. *Studies in English Language and Education*, 7(1), 83-95. DOI: 10.24815/siele.v7i1.15359
- Shtyhno, D.A., Konstantinova, L.V. & Gagiev, N.N. (2020). Perekhod vuzov v distancionnyj rezhim v period pandemii: problemy i vozmozhnye riski [The transition of universities to remote mode during a pandemic: problems and possible risks]. *Otkrytoe obrazovanie*, 5, 72-83.
- Sichkarenko, K.O. (2018). Digital educational platforms development and digital competences dissemination in education. *Efficiency and Economy*, 2, 109-115. DOI: 10.32702/2307-2105-2018.12.115
- Stepp-Greany, J. (2002). Student perceptions on language learning in a technological environment: Implications for the new millennium. *Language Learning and Technology*, 6(1), 165-180.
- Suleimanova, O. A. (2020). Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*, 4(4), 39-50. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50
- Tukmuradova, M.E. (2021). Impact of digital education on delivering English lessons. *Academia an International Multidisciplinary Research Journal*, 10(11), 1787-1791.
- Tumskiy, S. (2019). The use of learning management systems in the teaching of English to high-level learners at tertiary level. *Proceedings of the 13th International Technology, Education and Development Conference (INTED 2019)*, (pp. 3530-3533). DOI: 10.21125/inted.2019.0915
- Yang, S. C. & Chen, Y. J. (2007). Technology-enhanced language learning: A case study. *Computers in Human Behavior*, 23(1), 860-879. DOI: 10.1016/j.chb.2006.02.015
- Yulia, A., Husin, N. A. & Anuar, F. I. (2019). Channeling assessments in English language learning via interactive online platforms. *Studies in English Language and Education*, 6(2), 228-238. DOI: 10.24815/siele.v6i2.14103

УДК 81'1

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.05>

Д.З. Эрназаров

Ташкентский государственный экономический
университет, Узбекистан

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

В статье анализируются социально-философские основы языка и коммуникации как составной части современной философии языка. Основная цель состоит в том, чтобы осветить теоретические и практические аспекты философии языка, включая концептуальные основы языка и его взаимосвязь с общественными отношениями. Философское понимание и объяснение сущности языка – одна из самых сложных проблем науки. Поэтому в прошлом изучение теории языка и философии языка стало одним из фундаментальных разделов философии науки. В процессе научно-теоретического изучения философских и методологических аспектов речи обращение к языку обусловлено онтологией и теорией познания.

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день лингвистические, философские, семиотические, культурологические и теоретические вопросы являются ключевыми проблемами в соотношении языка и коммуникации. Следует отметить, что в современной науке философия языка подразумевает изучение герменевтических аспектов философии языка. Это позволяет изучать языковой анализ с двух точек зрения.

Во-первых, лингвистический анализ важен как философская проблема, во-вторых, с герменевтической точки зрения, он отражает специфическое понимание и объяснительные особенности системы языкового общения. Также важно классическое понимание и интерпретация философии языка. Некоторые научные исследования связаны с онтологическими и лингвистическими аспектами творческого мышления человека.

Ключевые слова: лингвистика, философия, язык, коммуникация, философско-методологическая, творческая, информационно-

UDC 81'1

<https://doi.org/10.25076/vpl.43.05>

D.Z. Ernazarov

Tashkent State University of Economics,
Uzbekistan

SOCIOCULTURAL INTERACTION IN MODERN LANGUAGE PHILOSOPHY

The article analyzes the socio-philosophical foundations of language and communication as an integral part of the modern philosophy of language. The main goal is to illuminate the theoretical and practical aspects of the philosophy of language, including the conceptual foundations of language and its interaction with public relations. The philosophical understanding and explanation of the essence of language is one of the most difficult problems of science. Therefore, in the past, the study of the theory of language and the philosophy of language has become one of the fundamental sections of philosophy of science. Indeed, in the scientific and theoretical study of the philosophical and methodological aspects of language, reference to language is determined by any ontology and a universal component of the theory of knowledge.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that today the linguistic, philosophical, semiotic, cultural and theoretical aspects are one of the main problems in the relationship between language and communication. It should be noted that in modern science, the philosophical analysis of language means the study of the hermeneutic aspects of the philosophy of language. This allows you to study language analysis from two perspectives.

Firstly, while the study of language analytics is important as a philosophical problem, secondly, from a hermeneutic point of view, it expresses the specific understanding and explanatory features of the system of linguistic communication. Also important is the classical understanding and interpretation of the philosophy of the language. Some scientific studies have used the ontological and linguistic aspects of human creative thinking.

Key words: linguistics, philosophy, language, communication, philosophical and methodological, creative, information and communication functions, methodology, semiotics

Введение

Языку, как и многим другим социальным процессам, свойственна своя философия. По мере развития общества философия входит в определенные области нашей жизни, демонстрируя, как общие законы философии действуют в каждой из этих областей. Известно, что в последние годы появились исследования, руководства, учебники и другие виды публикаций по важным вопросам и проблемам, таким как философия права, философия искусства, философия политики, философия истории, философия ценностей. Однако в то же время отметим, что внимание, уделяемое философии языка, намного ниже уровня востребованности. Неизвестно, опубликованы ли в странах Центральной Азии какие-либо специальные исследования, посвященные этой серьезной научно-теоретической проблеме. За пределами Средней Азии российские ученые опубликовали несколько книг по этой теме. Однако в этих публикациях вопросы представлены в очень общем и абстрактном виде. Авторы часто анализируют язык не с философской, а с лингвистической точки зрения, избегая вопроса о роли языка в организации и сближении членов общества в целом. Такое освещение вопроса неслучайно. Обращаясь к исследованиям ведущих философов второй половины XX и XXI веков, мы видим, что они сосредоточены не на языке и обществе, языке и политике, языке и социальном порядке, а на языке и сознании, связи языка и мысли.

Философское понимание и объяснение сущности языка - одна из самых сложных проблем науки. Поэтому на протяжении прошедшего периода изучение теории языка и философии языка оставалось одним из фундаментальных направлений философии и науки. Ведь при научно-теоретическом исследовании философских и методологических аспектов языка обращение к языку определяется универсальной составляющей любой онтологии и теории познания. Сегодняшние области языковой проблематики, такие как лингвофилософия, семиотика, лингвокультурология, являются одной из основных областей

языкового и коммуникативного направлений.

Следует отметить, что философский анализ языка в современной науке означает изучение герменевтических аспектов философии языка. Это позволяет осуществлять языковой анализ с двух точек зрения.

Во-первых, изучение языкового анализа важно как философская проблема,

во-вторых, герменевтически выражается специфическое понимание и объяснительные особенности системы языкового общения. Также важно классическое понимание и интерпретация философии языка. В некоторых научных исследованиях применяются онтологические и лингвистические аспекты творческого мышления человека.

Античный период развития философии языка

Как утверждают некоторые исследователи, «философский период лингвистики» в Греции длится два столетия. В то же время важнейшей чертой этого периода является взгляд на язык как часть философии, философское раскрытие и объяснение сущности языковых явлений, создание предположений, выводов, идей. В философский период языкознания практически все философские школы и направления, существовавшие в Древней Греции, активно занимались вопросами языка. Одним из главных вопросов этого периода было соотношение между словом и значением, между предметом и его названием. Другими словами, какова связь между объектом и его именем? Как значение связано со звуком в слове? Эта связь дана природой или соглашением говорящих? Или это назначено определенным законом-указанием? «Связано ли это с определенной традицией или определяется людьми? Сознательный, добровольный ли этот процесс?

Решая проблему соотношения слова и предмета в философский период языкознания, Гераклит и его последователи выдвинули следующую идею. Они неразрывно связаны с тем, что означает имя, суть предмета «раскрывается» в именах. Точнее, каждое имя отражает природу и сущность объекта, который они представляют. Более того, связь между конкретным предметом и выражающими их словами дана природой, и эта связь является естественной, необходимой связью.

Напрашивается вывод, что все, что существует во Вселенной -

объекты, данные природой, имеет свои собственные имена, «правильные» имена. Слова созданы природой. Природа дала имя каждому объекту. Демокрит и его последователи выдвинули следующую идею в отношении словесных и объектных отношений. Они полагали, что названия вещей, предметов, слов даются не по их природе и сущности, но процесс наименования обычно осуществляется по взаимному согласию людей, определяемых ими. Это означает, что названия предметам дает общество, а не природа. Демокрит и его последователи, чтобы доказать правильность своих идей, также отмечают следующее:

- 1) многие слова имеют несколько значений и, соответственно, они выражают разные объекты;
- 2) многие понятия имеют несколько названий и терминов;
- 3) если следовать идее естественности языка, то многие предметы не могут иметь более одного имени;
- 4) со временем одно слово сменяется другим;
- 5) многие понятия не имеют словесного выражения, названия.

Итак, полагает Демокрит и его сторонники, в одном случае слов не хватает, в другом – слишком много. В одном случае слова не зафиксированы, а в другом случае слова отсутствуют. Согласно Демокриту, эта ситуация в основном связана с деятельностью человека, а не природой.

Таким образом, Демокрит и его последователи выдвигают идею о том, что названия предметов не даны природой, и доказывают правильность этой идеи на примере омонимичных и синонимичных слов, существующих в языке.

Учение сторонников Гераклита не может быть объяснено с точки зрения соответствия, «правильности», потому что синонимы различаются по звучанию; если фонетическая сторона слова напрямую связана с сущностью, свойством объекта, то синонимы не могут означать один и тот же объект, как слова, выражающие разные свойства. Кроме того, не все объекты в природе имеют собственные названия. Вопрос о соотношении предмета и его имени, который был наиболее острой проблемой в философский период лингвистики, также прекрасно описан в «Кратиле» Платона.

Стоицизм – одно из течений, занимающихся языковыми проблемами в философский период лингвистики. Согласно ему

язык возник в человеческой душе по требованию природы, но слово выражает естественную природу объекта. Стоики полагали, что, когда говорящий получает такое же представление о характере предмета, как и слушатель. Они поддержали учение Гераклита и его последователей о связи между предметом и его названием.

В то же время Эпикур и его сторонники, противостоящие стоикам, поддерживали Демокрита, и считали, что связь между словами и предметами не может быть естественной, так как существует много противоречий между природой вещей и их названиями.

Эпикурейцы утверждали, что связь между объектом и его именем случайна, изначально она была создана людьми, которые придумали язык по взаимному согласию. Если бы не было такого совпадения, все народы понимали бы языки друг друга. Одним из ведущих течений философского периода языкознания было направление противоположных взглядов – аналогистов и аномалистов. Есть ли аналогии в их языковых явлениях? Вооруженные идеей о том, есть ли закон или аномалия, они начинают решать проблему отношения между словом и объектом.

Группа аналогистов, возглавляемая известным греческим грамматистом Аристархом, утверждает, что существует сходство между грамматической структурой и лексикой и объектом.

Представитель движения аномалий стоик Кратес и его сторонники выдвинули идею, которая противоречит предыдущей. Они утверждают, что нет полного соответствия между грамматической структурой языка и существа; мы всегда сталкиваемся с различными отклонениями от норм соответствия. В философский период лингвистики древнегреческие философы Анаксимен, Продикс, Протагор, Платон и Аристотель писали работы о сущности языка и выражали идеи, которые не утратили своей актуальности и сегодня.

Анаксимен (560-502 гг. до н.э.) заложил основы науки стилистики своим произведением «Риторика».

Продик (V век до н.э.) разрабатывал вопросы синонимии. Он учил различать особенности каждого смысла, его нюансы значения.

Протагор (480-410 гг. до н.э.) различал род, свойства глаголов и

типы предложений. Философы того времени также различали существительные и глаголы, отмечая, что предложение образовано из связи глагола с существительным.

Платон (427-347 гг. до н.э.), великий философ своего времени, признан основателем науки этимологии. В речи он различал два типа слов: существительные и глаголы. Он назвал слово, которое выполняет притяжательную функцию, существительным, а слово, которое используется в качестве причастия, глаголом.

Аристотель (348-322 гг. до н.э.), великий ученый-энциклопедист своего времени изучал проблемы языка в связи с логикой, и он был первым, кто отделил грамматику от логики. Аристотель, как и Платон, выделял прилагательное и притяжательное. В эту группу также входили дополнительные вспомогательные части речи. Слова делились на три категории: существительные, глаголы, союзы и предлоги. Он отмечал существительные и глаголы как слова с независимыми значениями, соединяющие и вспомогательные слова, выполняющие только грамматические функции.

В отличие от данной классификации, в философский период лингвистики стоики в речи разделили слова на пять групп: глаголы, союзы, артикли, существительные и родственные существительные.

Таким образом, из философского периода языкознания можно выделить два важных для современного языкознания учения:

1. Единицы языка (слова и предложения) представляют собой знаки.

2. Лингвистические единицы условно связаны со смыслом.

Социокультурный уровень коммуникации в современных исследованиях

В философских исследованиях проблема генезиса языка нашла отражение в подходах к определению сущности языка в разные исторические периоды. В исследованиях Г. Гегеля, В. Гумбольдта, Р. Декарта, И. Канта, В. Лейбница, Дж. Локка и других философов, мысливших в историко-философском направлении, описывались философские принципы языка и его эволюционные процессы (Радченко, 2006, с. 312).

Они свидетельствуют о том, что для нового подхода к языковым проблемам требуется глубокое изменение

общественного сознания. Однако представление о языке как о продукте психофизиологической деятельности привело к его социально-психологическому пониманию.

В работах Г.Г. Шпета, К.Е. Штейна, проводивших исследования в социально-психологическом направлении, вопросы этнопсихологического контекста нашли отражение во взаимосвязи между языком и сознанием, языком и мышлением (Шпет, 2000, с. 157; Штейн, 2001, с. 314–318). В конце концов, охарактеризовать язык как социальное явление – значит найти его отличительные черты, функции и особенности. Поэтому «они должны очень четко показать принадлежность языка к социальным явлениям» (Юрченко, 2000, С. 366).

На наш взгляд, зависимость языка от социокультурных факторов ярко проявляется при изучении его социологической специфики. Социальная природа языка, его роль и функционирование в обществе изучались такими учеными, как Э. Бенвенист, Дж. Вандрис, Ф. Де Соссюр. По мнению этих ученых, язык обусловлен фактором понимания.

Социальный аспект коммуникативных процессов обусловлен социальными факторами, такими как социальный статус и этническая принадлежность коммуникантов. Этому посвящены в работы А.Ю. Антоновского, Н.Д. Артюнова, Т.А. Ван Дейка и Р. Демерса, изучавших язык с коммуникативной точки зрения в социальных отношениях (Луман, 2005, с. 280; ван Дейк, с. 111-160).

В работах этих ученых анализируется практическое применение языка. Это потребовало изучения языка не как абстрактной системы, а во взаимодействии с социальной средой. Таким образом, чтобы понять язык как информационную и коммуникативную систему, важно определить социальную природу языка, влияние социокультурных факторов на механизм языкового общения, а также человеческий фактор.

Все практические задачи человек решает, общаясь на языке, умение «приятно» общаться с древних времен было искусством. Решение прикладных проблем тесно связано с возможностью обсуждать их и объяснять другим.

Изучение языка в совершенстве кажется легкой задачей, так как язык изучается сам по себе в процессе восприятия событий.

Вероятно поэтому большинство людей не обращают внимания на развитие способности общаться на родном языке. Но в разных ситуациях люди чувствуют себя неспособными выполнять эту задачу. Например, на различных церемониях и собраниях ораторы часто теряются и колеблются. Это состояние также наблюдается у детей. Они задаются вопросом: «Как я могу это сказать?», «Что мне сказать?» Зачастую коммуниканты предпочитают не заниматься совершенствованием навыков общения. Причина состоит в том, что общение – это сложный процесс, требующий большой интеллектуальной и эмоциональной отдачей. Поэтому в процессе общения уровень владения языком становится очевидным.

К сожалению, наблюдается тенденция приобретать коммуникативные способности, подражая другим. В образовательных учреждениях упор делается на языковой материал, который в основном является средством общения. Однако особое значение имеют развитие культуры речи и улучшение коммуникативных навыков, так как по речи человека можно оценить уровень его общей культуры, образования и ряд других характеристик. По мнению психологов, эффективное общение может повысить продуктивность коммуникации до 20 процентов.

Полное овладение языком, в свою очередь, является трудоемким процессом. Человек, изучающий иностранный язык, осознает значимость слов, словосочетаний и средств речи для выполнения практических задач. При этом коммуниканты зачастую владеют письменной и устной речью на разном уровне.

Овладение языком связано с соблюдением правил языка и приобретением определенного уровня. Социокультурная компетенция говорящего состоит в том, в какой степени в процессе общения учитываются возраст, пол, место в обществе и другие характеристики собеседника. Например, «язык», используемый при разговоре с ребенком, не используется в общении со взрослыми. Способность носителя языка правильно выбирать языковые единицы в соответствии с речевой ситуацией отражается в уровне культуры речи.

Национально-культурная компетенция требует знания обычаев, традиций, литературного наследия страны изучаемого языка.

Энциклопедический уровень владения языком требует не только правильного значения слов, но и вхождения в «мир» каждого слова. Достижение этого уровня означает овладение всеми значениями, которые могут быть выражены одним словом, а также всех слов, выражающих одно значение. Считается, что именно в этом случае человек знает язык в совершенстве. Степень выполнения перечисленных требований указывает на уровень владения языком индивидуума.

Свободный уровень владения языком предполагает, что коммуниканты не боятся общения в различных условиях и на различных темы устно и письменно. Такой коммуникант может без преград осуществлять свою профессиональную деятельность и внести весомый вклад в развитие общества.

В настоящее время основной задачей в процессе обучения иностранным языкам является формирование коммуникативных способностей. Язык изучается в контексте прагматических целей общения. В системе образования особое внимание уделяется развитию коммуникативных способностей учащихся. Стандарты и программы, направленные на внедрение коммуникативного принципа обучения по всем предметам, проходят апробацию в школах и средних специальных учебных заведениях.

Эти образовательные стандарты отличаются от действующих стандартов тем, что они не ограничиваются приобретением знаний учащимися, а направлены на развитие способности применять накопленные в них знания, навыки и компетенции на практике. Особую роль в этом играет коммуникативная способность. Читатель должен уметь понимать сообщение на иностранном языке, а также интерпретировать его. Новые программы ориентированы на работу с информацией. Каждый ученик должен иметь возможность выбирать и использовать растущий поток информации.

Предлагаемые изменения помогут эффективно подготовить учащихся к реалиям жизни. Умение применять теоретические знания неразрывно связано с коммуникативными способностями.

Воспитание и совершенствование этой способности требует решения ряда проблем.

Социокультурный аспект коммуникации в образовании

Коммуникация – это многогранный процесс отношений,

возникающий из-за необходимости сотрудничества между людьми. Коммуникация – это процесс получения и передачи информации между людьми с помощью языка. Посредством взаимодействия люди организуют свою практическую деятельность, обмениваются информацией, соглашаются друг с другом, намечают цели и взаимодействуют друг с другом.

Общение может осуществляться посредством языка – вербально или без участия языка – невербально. Слово играет важную роль в процессе речевого общения. Слово можно произносить, повторять во внутренней речи, писать, выражать с помощью специальных жестов. Речь принимает устную и письменную форму, может быть монологической или диалогической.

Коммуникация включает в себя не только обмен информацией между людьми, но и человеческими эмоциями. Этот аспект общения включает в себя компоненты невербального общения (жесты, движения, тон, интонацию, пауза, смех, улыбку, зрительный контакт, слезы и т.д.) Невербальные средства дополняют вербальное общение и могут придавать слову дополнительные значения.

В учебном процессе также необходимо обучать невербальным средствам, характерным для носителя языка. В противном случае нельзя считать, что иностранный язык освоен в полной мере, так как невербальные приемы в различных языках не совпадают. Положительно сказывается устный перевод студентов в процессе обучения речи. Правильное использование невербальных средств, характерных для процесса общения, является неотъемлемой частью культуры общения.

Как уже упоминалось, поведение – сложный процесс. Следует отметить следующие три аспекта учебного процесса:

1. Коммуникативный или информационный обмен.
2. Интерактивное общение.
3. Восприятие, понимание и оценка на основе информации о внешности, знаниях, действиях, мнениях.

В зависимости от коммуникативного поведения участников образовательного процесса выделяют несколько типов взаимодействия. Образовательное взаимодействие означает взаимодействие между учителем и учеником. Невозможно

выполнять задачи, связанные с обучением и воспитанием, без создания процесса искреннего общения между учителем и учеником. В образовательном процессе педагог проявляет инициативу, организует и управляет процессом. Педагог может вести себя тремя способами:

1. Демократичный путь – учителя и ученики принимают активное участие в постановке и выполнении задач. Все равны.

2. Авторитарный способ – все вопросы решает преподаватель, ученики остаются исполнителями.

3. Либеральный путь – педагог ограничивается объяснением, убеждением, не требует. Вся работа предоставлена обучающемуся.

Опыт показывает, что работа, сочетающая авторитарный и демократический подходы, дает положительные результаты.

Коммуникативное поведение может быть формальным и неформальным. Формальное взаимодействие включает в себя следующих участников: преподаватель-студент, врач-клиент, продавец-покупатель, менеджер-сотрудник и другие (Malyuga, 2016, Thaler, 2019). Неформальное взаимодействие можно определить как отношения, основанные на межличностных отношениях вне профессионального контекста.

Стремление к неформальности в общении – естественная человеческая черта. Возможность неформального взаимодействия с людьми зависит от:

- личных качеств (целеустремленность, уверенность, сопротивление и др.);

- коммуникативных навыков (умение общаться, слушать, слушать собеседника, начинать, продолжать и заканчивать разговор, понимать собеседника, видеть его характеристики, особенности, смягчать ситуацию и т. д.);

- умение соблюдать этикет, порядочность (Гальскова, Гез, 2007, с. 68).

Этикет связан со способностью человека использовать вербальные и невербальные средства, приемлемые в конкретных условиях общения. Вежливый, обходительный человек всегда сможет правильно оценить ситуацию и продемонстрировать корректное обращение.

Игнорирование правил поведения и их нарушение ведет к коммуникативной неудаче и разногласиям. В результате

нарушаются нормы коммуникативной культуры, отношения становятся натянутыми, страдают результаты и нарушается работа.

Сложно переоценить важность обучения нормам поведения.

Резюмируя, следует отметить, что актуальными проблемами обучения коммуникации на иностранном языке являются следующие:

- Процесс общения, его сущность, закономерности, структура, условия, особенности, составляющие и т. д.
- Общение как процесс обмена информацией.
- Поведение как процесс человеческого взаимодействия.
- Вопросы социального контроля в общении.
- Критерии и нормы поведения.
- Вопрос о коммуникативных ролях.
- Поведенческая культура и манеры и др.
- Национальные особенности общения.
- Влияние процесса поведения на формирование и развитие личности.
- Все предметы в процессе общения и обучения.
- Коммуникативный практикум.
- Практическое обучение и овладение поведением.

Тестируемые в нашей стране новые образовательные стандарты и научные программы приведут к серьезным изменениям в будущем, так как они неразрывно связаны с формированием и совершенствованием коммуникативных способностей у студентов. Их реализация зависит от того, насколько ключевые фигуры системы образования – учителя и ученики – осознают поставленные перед ними задачи, стремятся искренне их выполнять, а также от способности каждого научного специалиста раскрыть коммуникативную сторону своего предмета. Тогда повысится эффективность подготовки конкурентоспособных кадров. Изучение теоретических и практических вопросов, связанных с законами коммуникативных принципов в преподавании наук, является предметом дальнейших научных исследований (Малюга, 2009, Томалин, Малюга, 2016).

Результаты

Сегодня подходы к анализу языка постоянно обновляются с учетом потребностей научной и философской методологии. В

частности, аналитические и философские аспекты языка изучались в аспекте философско-исторических учений, семантической логики. Позже философский анализ языка, основанный на диалектических принципах, обратил на себя внимание ученых.

В этом смысле понимание языка как языковой реальности требует применения дихотомического метода взаимосвязи аналитических и синтетических процессов. Действительно, «Философия языка — это система знаний, отражающая историю языка и общие идеи языкознания» (Юрченко, 2008, с. 368).

Разнообразие западных философских учений повлияло на философию языка. Философ рассматривает философию как научную систему или как комплекс этико-практических знаний. Согласно этой модели язык служит вербальной передаче идей. Таким образом, что связь языка и коммуникации прослеживается во всех сферах общественной жизни и служит для определения динамики развития социума.

Выводы

Социоллингвистика изучает общие законы взаимовлияния языка и человека, нации, общества, власти, политики, а не конкретные проблемы формы языка. В связи с этим К. Хоназаров полагает, что «философия языка – это не вопрос языка, не конкретных языков и форм языка, но языка и нации, языка и правительства, языка и человека, языка и политики, языка и общества» (Хоназаров, 2009, с. 14).

Проблемы социоллингвистики лежат не в социально-политическом плане, а в плане общечеловеческих ценностей, развития мировой культуры. Философия языка связана с общей теорией языка, социологией, политологией, этикой, философской антропологией. Философия языка – область, изучающая роль и функции языка в культурном развитии общества (Тимофеева, 2009, 176).

В целом философия языка – это система философских знаний, сформированная на основе достижений логической и психологической науки и фокусирующаяся на изучении языкового развития. В связи с этим К. Хоназаров пишет, что «анализ языковой реальности с онтологической, гносеологической, аксиологической, праксиологической точек зрения называется философией языка» (Хоназаров, 2009, с. 17).

На наш взгляд, философия языка, несомненно, является наукой на стыке философии и лингвистикой. Философия языка – это изучение «корней» языка, его основ, всех событий и явлений, связанных с языком, имеющее немаловажное значение для преподавания иностранных языков.

Ни одно учение в науке не возникает спонтанно. Оно создается старшим поколением исследователей и развивается следующими поколениями. Таким образом обеспечивается преемственность, и при этом каждая наука обновляется, совершенствуется и пересекает границы смежных наук. Концептуальные подходы, описанные в статье, позволяют составить картину поступательного развития философии языка. На сегодняшний день философский анализ социально-коммуникативных аспектов языка свидетельствует об особой важности научных и социокультурных проблем.

Литература

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. М., издательский центр «Академия», 2007.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111-160.
3. Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005.
4. Малюга Е.Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. - М., 2009. - №1. - С.91-95.
5. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Серия «История лингвофилософской мысли». – М.: Эдиториал УРСС, 2006.
6. Тимофеева М. К. Язык с позиций философии, психологии, математики. – М.: Издательства: Флинта, Наука, 2009.
7. Томалин Б., Малюга Е. Н. Деловой язык в век глобализации // Вопросы прикладной лингвистики. – 2016. – № 24. – Рр.7-18.
8. Шпет Г.Г. «Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта». – Иваново, 2000. – С. 157.
9. Штайн К.Э. «Язык как деятельность и произведение:

- проблема символа в статье А. Белого «Язык и мысль» (Философия языка А.А. Потебни) // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. – М.: Ставрополь, 2001. – Вып. 7. – С. 314–318.
10. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания // Лингвофилософские очерки. Серия: История лингвофилософской мысли. Авторский сборник. – М.: Издательство: ЛКИ, 2008.
 11. Юрченко В.С. Очерки по философии языка и философии языкознания. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000.
 12. Khudayberganov R.X. Socio-philosophical analysis of human death: interpretation of clinical and biological death // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. – Vol. 24. – Issue 04. – 2020. – Pp. 4105-4116.
 13. Malyuga E. Exploiting the potential of ICT: assessment of students' knowledge // SGEM2016. Bulgaria, Albena, 2016. - Book 1. - Vol. 3. - Pp. 319-326.
 14. Thaler I. S. Can a sociolinguistic perspective of Second Language Acquisition solve 'the longstanding human curiosity' of learning languages? // Training, Language and Culture. - 2019. - № 3(3). – Pp. 36-55. doi: 10.29366/2019tlc.3.3.3

References

- Dijk, T.A. van. (1989). *Language. Cognition. Communication*. (pp. 111-160). M.: Progress.
- Galskova, N.D., & Gez, N.I. (2007). *Theory of teaching foreign languages*. M.: publishing center "Academy".
- Khudayberganov, R.X. (2020). Socio-philosophical analysis of human death: interpretation of clinical and biological death. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24(04), 4105-4116.
- Luhmann, N. (2005). *Society of Society. Part II. Media communications*. M: Logos.
- Malyuga, E. (2016). Exploiting the potential of ICT: assessment of students' knowledge. *SGEM2016 Proceedings*, 1(3), 319-326.
- Malyuga, E.N. (2009). On the issue of teaching foreign languages using new information technologies. *Issues of Applied Linguistics*, 1, 91-95.
- Radchenko, O.A. (2006). *Language as a World Creation: The*

Linguo-philosophical Concept of Neo-Humboldtianism. Series «History of linguo-philosophical thought». Moscow: Editorial URSS.

- Shpet, G.G. (2000). *The Inner Form of the Word: Sketches and Variations on Themes of Humboldt.* Ivanovo.
- Stein, K.E. (2001). Language as an activity and a work: the problem of a symbol in A. Bely's article "Language and Thought (Philosophy of Language by A.A. Potebnya). *Language activity: transitivity and syncretism*, 7, 314–318.
- Thaler, I. S (2019). Can a sociolinguistic perspective of Second Language Acquisition solve 'the longstanding human curiosity' of learning languages? *Training, Language and Culture*, 3(3), 36-55. doi: 10.29366/2019tlc.3.3.3
- Timofeeva, M.K. (2009). *Language from the standpoint of philosophy, psychology, mathematics.* Moscow: Flinta, Nauka.
- Tomalin, B., Malyuga, E.N. (2016). Business language in the global age. *Issues of Applied Linguistics*, 24, 7-18.
- Yurchenko, V.S. (2000). *Essays on the philosophy of language and philosophy of linguistics.* Saratov: Publishing house Sarat. ped. Institute.
- Yurchenko, V.S. (2008). *Philosophy of language and philosophy of linguistics. Linguo-philosophical Essays. Series: History of linguo-philosophical thought. Author's collection.* M.: Publishing house: LKI.